

18+

Евгений Крушельницкий

Философские уроки счастья

Евгений Крушельницкий
Философские уроки счастья

«Издательские решения»

Крушельницкий Е.

Философские уроки счастья / Е. Крушельницкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962267-9

Философов всегда интересовали вечные вопросы: как устроен мир и зачем мы в нём появились? Что придает жизни смысл — добрые дела или наслаждения? Подчиняться законам или собственной совести, если они противоречат друг другу? Есть ли что-то выше интересов отечества? Почему счастье человека не всегда зависит от его добродетелей? Из множества подобных вопросов автор отдает предпочтение одному из самых практичных: как жить, чтобы быть счастливым? А философы на него отвечают, каждый по-своему.

ISBN 978-5-44-962267-9

© Крушельницкий Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Конфуций	15
Дар небес	16
Что знаешь, то считай,	17
О пользе ритуала	18
Следуя зову сердца	20
Сократ	23
Не верьте богам на слово	24
Советы с небес	25
Вечные вопросы	26
За язык – к высшей мере	28
Платон	31
Каково учить тиранов	32
Идеи хорошие, да люди плохие	34
От мнений – к знаниям	36
Аристотель	39
Невзирая на личности	40
Союз царя и мудреца	41
О вкусе научных плодов	43
Эх, афиняне...	45
Диоген Синопский	47
Переоценка ценностей	48
Проповеди в обмен на подаяние	50
Философия свободы	51
Гражданин мира	52
Эпикур	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Философские уроки счастья

Евгений Крушельницкий

© Евгений Крушельницкий, 2019

ISBN 978-5-4496-2267-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Поскольку философия учит жизни и детский возраст так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, – почему бы не приобщить к ней и детей?

Мишель Монтень

С Монтенем соглашаться не обязательно, потому что жизни не учит даже философия. Жизни учит только жизнь, а философия учит размышлять о ней и философски смотреть на её повороты, что, впрочем, полезно и детям. Эта книга – для детей, хотя и не только для них.

В одном шутовском «определителе современных наук» философию именуют предметом, который вызывает у всех аллергию. Чтобы избежать этой опасности, пытаясь на нескольких страницах объять необъятное, автор предпочел выбирать интересное для себя, делая это субъективно и произвольно. Возможно, эти заметки быстрее помогут читателю представить себе живших когда-то людей и некоторые занимавшие их вопросы, чем энциклопедическая справка или учёный труд. Конечно, такие этюды годятся только для первого знакомства, но о каждом, кого мы упоминаем в этой книжке, написано столько, что желающие всегда найдут, что почитать. Я лишь предлагаю сделать первый шаг вместе.

Философами были разные люди – учёные-домоседы и бродяги, императоры и рабы. Все они по-разному старались ответить на вечные вопросы: что придает жизни смысл – добродетель или любимое дело, противостояние страстям или, наоборот, наслаждения? Неизбежно ли то, что с нами происходит? Свободны ли мы в своих поступках или всё имеет свою естественную причину? Существует ли Бог и как складываются наши с ним отношения? Есть ли что-то выше закона, права, интересов отечества? Почему счастье конкретного человека далеко не всегда зависит от его добродетелей?

Ответы у каждого свои. Ведь все мы немного философы, со своими житейскими принципами – от расхожего «не живи, как хочется, а живи, как можется» до возвышенного «жить – значит мыслить», и потому среди нас живут скептики и стоики, циники и эпикурейцы, вольтерьянцы и марксисты. Из множества философских вопросов автор отдаёт предпочтение самому, на его взгляд, практичному – как человеку следует жить? Поэтому в книге заметное место отдано этическим воззрениям разных мыслителей. Многие их выводы, хоть и не окончательные, интересны и по сей день. Однако дело тут не столько в готовых ответах, сколько в умении задавать вопросы и самому отвечать на них. Это нужно хотя бы для того, чтобы узнавать о долге гражданина, правах человека или смысле собственной жизни не от философствующего чиновника или старшего по званию. В таких вопросах есть другие авторитеты, к чьим словам прислушиваются многие поколения.

«Я медленно учился жить. Ученье трудно мне давалось», – признавался поэт. Но ничего полегче тут придумать нельзя, если не хочешь жить «как можется».

Предисловие

Рассказывают, что Сократ однажды поинтересовался у знакомого афинянина, знает ли тот, что такое справедливость. Самоуверенный молодой человек не сомневался, что знает. Но, побеседовав с философом, вынужден был признать, что вопрос непростой: ведь порой даже кражу (причем у друга!) следует признать справедливой, если, например, украдено оружие ради того, чтобы удержать человека от необдуманного поступка.

Со справедливостью, как известно, и по сей день немало путаницы. Что же говорить о самой философии, которую называют царицей наук, предмете куда более спорном... Что это такое и зачем она нужна? Паскаль был уверен, что вся философия не стоит и часа труда, зато Кант утверждал противоположное: если существует наука, действительно нужная человеку, говорил он, то это та, которой я учу, и из которой можно научиться, каким надо быть, чтобы быть человеком. Платон оставлял философии только познание вечного и непреходящего, а Декарт понимал под ней вообще всю науку – целостную, единую.

Действительно, философия – наука особенная. В ней нет единодушия и общепризнанных результатов. Ни одно учение не может претендовать на звание единственно верного, и взгляды одного мыслителя могут ничего не значить для другого. Но в таком случае стоит ли она вообще внимания? Для тех, кто задумывается о жизни и смерти, кто хочет увидеть смысл в повседневной, будничной суете, – стоит.

Философских вопросов можно задавать много, но вот какой из них – главный? Тут тоже нет единомыслия. Энгельс считал таким вопросом отношение мышления к бытию, его интересовало, что первично, сознание или материя. Но далеко не все склонны называть этот вопрос основным. Француз Альбер Камю, например, полагал, что решить, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой, значит ответить на основной вопрос философии. А вот Эпикура больше занимало другое. Для него вопрос был не в том, жить или нет, а как прожить счастливо. Западных философов больше интересовал принцип устройства мира, причина его развития. Стремление ответить на это без помощи магии и богов породило греческую философию.

Свои представления о мире и человеке издавна имелись и на Востоке, причем настолько своеобразные, что историки предпочитают делить философию на западную и восточную. Древнекитайские мудрецы Лао-цзы и Конфуций, подобно грекам Платону и Аристотелю, оказали такое влияние на умы потомков, которое чувствуется и по сей день. Но на Востоке, в отличие от Запада, пренебрегали прикладными науками, считая основной задачей человека нравственное самосовершенствование. В Китае, например, не было той пропасти между политиками и философами, преодолеть которую хотел Платон. Странствующие проповедники здесь нередко становились крупными чиновниками, а то и министрами, и потому мудрецов в первую очередь интересовали вопросы управления обществом, отношения между «верхами» и «низами», этикет, ритуал. Воспитать человека в те времена означало научить его как следует исполнять свое общественное дело. Тогда, полагал Конфуций, в человеке проявится чело-вечность: он поможет другому достичь того, чего хотел бы сам, и не будет делать того, чего не желает себе.

Но вернемся на более близкий нам Запад. Некоторые предварительные замечания, относящиеся к истории царицы наук, надеемся, помогут несколько упорядочить многообразие философских воззрений.

Первым философом был Фалес из Милета, который жил на рубеже VII—VI вв. до Рождества Христова. Он хотел знать, почему бывают затмения Солнца, наводнения на Ниле, интересовался геометрией и другими науками. Возможно, он так бы и остался в истории одним из семи греческих мудрецов, если бы не задумался о сущности мира, его основе. Такая задача, невозможная без определенного уровня абстрактного мышления, и дала начало философии.

В качестве первоматерии Фалес назвал воду, из которой, как он полагал, возникает всё остальное. «Вода есть наилучшее», – говорил философ.

Пифагор, родившийся почти полвека спустя, понимал мир иначе. Этот знаменитый мыслитель странным образом сочетал в себе ученого, философа и основателя религиозного ордена, толковавшего о переселении душ. Себя он, похоже, считал полубогом, потому что всех разумных существ делил на три вида: люди, боги и подобные Пифагору... Увлечение математикой отразилось и на его философии, утверждавшей, что «все вещи суть числа». Для него эти слова были полны глубокого смысла. Он очарован гармонией мира и первым из людей назвал его космосом в отличие от беспорядочного хаоса. Началом всего философ считал единицу. Двойка – это различие, противоположность. Из этих чисел происходят все остальные. Числа образуют точки, из точек появляются линии, потом плоские фигуры, затем объемные, которые, в свою очередь, создают чувственно воспринимаемые тела. Последние состоят из четырех основ – огня, воды, земли и воздуха – и порождают весь остальной мир, одушевленный и разумный.

Так математика стала источником веры в абсолютную истину. То, что математические заблуждения просто менее очевидны, поймут гораздо позже. А пока зарождалась рационалистическая религия, которая, в противоположность религии откровения, была плодом математики и ее методов. Такое сочетание религиозных воззрений с логическими рассуждениями было характерно для многих европейских философов. Не будь Пифагора, вряд ли христианам пришло бы в голову логически доказывать бытие Бога.

Даже тем, кто никогда не слышал о Гераклите, современнике Пифагора, наверняка известны его знаменитые слова о том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Главный принцип его учения – «всё течет». Философ говорил о постоянном изменении и развитии, подчеркивая, что одно и то же бывает живым и мертвым, бодрствующим и спящим, молодым и старым. А где же вечное? В огне. Мир, считал он, был, есть и будет «живым Огнем».

Гераклит был человеком образованным. Но утверждал, что всему научился только от себя, исследуя себя сам. Род людской презирал и, рассуждая о благе, полагал, что лучше всего вести к нему силой: ведь «всякое животное направляется к корму бичом». Зоологом он, видно, был неважным, но провозглашенный им принцип оказался удивительно созвучен настроениям революционных практиков, норовивших «железной рукой загнать человечество к счастью». Однако Гераклит говорил и другое: «Не лучше было бы людям, если бы исполнялось всё, что они желают». И в этом, безусловно, не ошибся.

Его современник – Парменид – не считал, что всё течет, и утверждал противоположное: ничто в мире не меняется. При этом глазам доверять не советовал, отделяя чувственное познание от рационального. Первое, на его взгляд, вело к мнениям, второе – к истине. Умозрительное «Это» (так Парменид именовал неизменяемое и неразрушимое вещество, лежащее в основе всего) позднее назвали субстанцией. Оно открыло дорогу материализму: ведь именно из него, по мнению материалистов, и сделаны все вещи... Но кто же из этих философов оказался прав? Оба, хоть и каждый по-своему. Их точки зрения потомки впоследствии соединили: взяли у Парменида неизменяемые элементарные частицы, а у Гераклита – представление о непрерывном движении. Такой вот диалектический синтез противоположностей.

Вершиной древнегреческого материализма стал Демокрит. Он учил, что мир состоит из движущихся атомов и пустоты. Если миры возникают и исчезают, то атомы остаются неизменными, принимая бесконечное число форм. Говорил, что миров бесконечное множество, и наш отличается лишь тем, что «пребывает в расцвете». Конечно, он был атеистом: «Разумом выдумали люди божественные дела». Однако, объясняя мир, избегал вопроса «зачем» и отвечал только «почему».

Демокрит искал первооснову как вне человека, так и в нем самом. Главным моральным правилом считал достижение «доброй мысли», а целью жизни – бодрость. Но борьба между материалистами и идеалистами разгорелась не на шутку, и благонамеренность фило-

софа не уберегла его от гнева Платона, поклонника «божественных идей», который всерьез собрался сжечь все сочинения Демокрита, какие только мог собрать.

Если до Демокрита философов интересовало познание мира, то потом их внимание всё больше стал занимать человек. Софисты уже успели усомниться в способности людей познавать истину. «Есть много препятствий для знаний – неясность дела и краткость человеческой жизни», – писал известнейший софист Протагор. Ему же принадлежит и знаменитое «Человек – мера всех вещей». Речь здесь о том, что не только свойства вещи, но и само её существование зависит от суждений разумного человека. Чувства обманчивы, и люди воспринимают мир по-разному. Значит, объективной истины не бывает, каждый прав по-своему. И всё же более прав тот, кто побеждает в спорах. Вот этому практическому делу и учили софисты богачей: умению выигрывать судебные иски. В ход шла игра словами, использование многозначности понятий, неточности определений и тому подобные приемы. Мастера словесных кружев, умевшие с одинаковым успехом отстаивать любые мнения, утверждали, к примеру, что ничего не существует. А если и существует, то оно непознаваемо. Если же что-то и можно познать, то объяснить другому уже совершенно невозможно...

Говорят, Протагор брал плату со своих учеников только в том случае, если они выигрывали свой первый судебный процесс. Правда, этот процесс он сам же и возбуждал.

Нельзя сказать, чтобы в наше время истина ценилась больше победы, и потому по-прежнему в ходу разнообразные логические и психологические уловки. Идеи софистов живут, а нередко и побеждают.

Сократ, в отличие от софистов, понял, что знание – это нечто большее, чем мнение, и любил извлекать это знание из умов своих собеседников. Он хотел, чтобы люди познали и усвоили нравственность: если я знаю, что именно я есть, рассуждал философ, то я знаю и то, чем должен быть. Однако о Сократе, и не только о нём, у нас будет возможность поговорить подробнее.

У Сократа учился Платон, которого называют самым влиятельным из западных мыслителей. Он надеялся, что государства избавятся от зол, когда владыки почувствуют вкус к философии. Но его рискованные попытки приохотить тиранов к мудрости окончились ничем. С тех пор люди так и не придумали более надежного способа находить мудрых вождей, кроме демократических выборов, известных и Платону. Конечно, этот способ не безошибочен, но ведь и сама проблема – как несовершенному обществу обзавестись совершенными правителями – решения не имеет. Если у руля и появляются мудрецы (Сократу, кстати, тоже довелось немного поруководить), то участь их печальна.

Первое в мире утопическое государство, придуманное Платоном, сильно смахивало на соседнюю Спарту, чей правитель Ликург, между прочим, приказал своим гражданам под взаимным доглядом есть одинаковую пищу. Аристотелю платоновский коммунизм не нравился, он предпочитал монархию и частную собственность. Суть его государственной модели – в совместном достижении общего блага. Но собственность-то частная? Да, потому что без неё невозможны такие добродетели, как благотворительность и щедрость. Их-то и следует воспитывать у людей, чтобы сообща использовать эту собственность. И хоть идеального государства мир так и не увидел, аристотелевы добродетели вечны.

Между тем походы Александра Македонского положили конец свободным городам-государствам. Греческие философы на время оставили рассуждения о наилучшем политическом устройстве и сосредоточились на индивидуальных, практических вопросах: как совместить стремление к добродетели и счастью с суровыми реалиями мира? Появились новые философские школы, а вместе с ними – киники, стоики, скептики, эпикурейцы...

Киники учили обходиться без привычных удобств, удовлетворяться самой простой пищей, не горевать из-за утраты близких и уж, конечно, не переживать по поводу судьбы своей

родины. Знаменитый Диоген увидел путь к внутренней свободе в освобождении от желаний: ведь безразличие к благам избавляет и от страха их потерять.

Скептики нашли свой способ выживания, предпочитая воздерживаться от любых суждений. Такая позиция, по их мнению, обеспечивала невозмутимый покой, в котором и заключалось их скептическое счастье. Это понравилось и нефилософам: все кругом спорят на заумные темы, а истина по-прежнему далеко. И если любопытный надеется что-то узнать, а учёный, узнав, сомневается в результатах, то скептик может свысока смотреть на обоих, потому что уверен: «этого никто не знает и никогда не узнает». Такие рассуждения оказались удобны для ленивых умов, создавая иллюзию стирания граней между умными и глупыми.

Грек Зенон стал основателем стоической философии и провозгласил, что тому, кто стремится к добродетели, следует жить согласно с природой, то есть разумно. В таком случае добродетель полностью зависит от человека, и потому мудрец, чьи действия разумны, – истинный хозяин своей судьбы. Он терпим, сдержан и видит счастье в том, что не желает никакого счастья. Стоическая мораль учит: главная и единственная опора человека – в нём самом. Недаром и греческий раб Эпиктет, и римский император Марк Аврелий, которых жизнь не баловала, предпочитали именно эту философию.

Эпикурейцы – полная противоположность стоикам, для них благо – в наслаждениях. Материалист Эпикур хоть и верил в богов, но гнева их не боялся, утверждая, что им не до нас. Он вообще ничего не боялся – ни боли, ни самой смерти, – что и другим советовал. А свою философию считал самой лучшей для достижения счастья. Это учение было популярно не только в его знаменитом саду, но и в искушенном Риме, причем в сложные времена – последние годы республики, начало императорского правления... Суровая жизнь требует не выдумок, а практических советов. В эпикурействе многие находили утешение вплоть до IV века новой эры, когда христианство, став господствующей религией, взялось отучать современников от удовольствий и уже долго не позволяло забывать о страхе.

В IV веке Римская империя распалась на Восточную и Западную. Это было только начало. Пройдет несколько лет – и рабы откроют готам ворота Рима, а потом вместе с победителями будут целую неделю грабить вечный город, мстя своим недавним господам. Церковный писатель Иероним в смятении заметил: «Мой голос пресекался, когда я услышал, что покорен город, которому покорялась вся земля». Зато его современник Августин Блаженный воспринял события спокойно: он не сомневался, что все языческие государства, источник зла и насилия, обречены. Прочна только христианская церковь...

Христиане искали не те истины, что Сократ, и разуму отводили второстепенную роль: главным стало божественное откровение. Одни религиозные философы полностью отвергали древнюю мудрость, другие старались приспособить её к толкованию церковных догматов. Это было вполне возможно, ведь ещё античные идеалисты пытались сблизить философию с религией и мистикой, пренебрегая рациональными доказательствами.

В результате церковной монополии примерно с 400-го года и на тысячелетие вперед философская мысль становится скованной, односторонней. Сосуществование духа и плоти, описанное ещё Платоном, у Августина превратится в царство Божие и царство мира сего. Град Божий на земле – это, конечно, церковь, и её представители увлеченно обсуждают, почему добрый, справедливый Бог создал мир зла. Августин тоже много рассуждал о добре и зле и выводы сделал не в пользу человека. Богослов уверял, что именно от людей исходит всякое зло, добро же – продукт Божьей милости, и потому мы в ответе только за зло. Инакомыслия не терпел и ревностно с ним боролся. Монах Пелагий, например, богохульно утверждал, что никакого первородного греха не существует, и о своем блаженстве человек должен заботиться сам, без помощи церкви. Но в те времена без церкви уже ничего не могло происходить, и Августин не оставил противнику никаких шансов. Ересь Пелагея вскоре была официально осуждена на эфесском соборе.

После великих потрясений Западная Европа нуждалась в единстве, а для этого, как известно, нужна единая идеология. Если отцы церкви создали догматическую систему на основе Священного писания, то схоластам, которые появились на исходе первого христианского тысячелетия с их религиозно-идеалистической философией, требовалось сделать её доступной для необразованных людей. Они пересмотрели прежние авторитеты. Место Платона, утратившего былую популярность, занял Аристотель. Снова возродились диспуты, но вместе с ними появилось и безразличие к фактам, уверенность, что всё решает удачный аргумент в споре. Схоластика стала подручной теологии, доказывая то, что провозглашено верой, и потому с философией имеет лишь внешнее сходство. Схоласты уверяли, что подлинная религия и есть подлинная философия, а между откровением и разумом противоречий нет. Фоме Аквинскому, который старательно увязывает Аристотеля с католицизмом, уже не нужно сократовское свободомыслие, у него другие цели.

Последним крупным схоластом был англичанин Уильям Оккам. Он повздорил с Папой Иоанном XXII по идеологическим вопросам, и его отлучили от церкви. Философ бежал в Германию под защиту императора Людвига. Говорят, что при встрече с ним Оккам сказал: «Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером». Следуя данному обещанию, он написал немало трактатов. Один из них, например, был посвящен вопросу, вправе ли император жениться на своей кузине. Вопрос, конечно, был решен положительно. Сейчас эти трактаты забылись, зато помнится афористичный принцип, который называют «бритвой Оккама»: «Сущности не следует умножать без необходимости». Иначе говоря, если наука может объяснить нечто без допущения новой гипотетической сущности, то незачем её и допускать. Соображение, безусловно, полезно, но всегда ли? Там, где у науки нет ответов и требуются свежие идеи, иные ученые, пленники старых сущностей, охотно вспоминают эти слова, сказанные более шести столетий назад, и авторитетно объясняют непонятное глупостью очевидцев, обманом или же невиданными доселе явлениями природы...

Оккам достиг вершин в схоластике, но пошёл дальше, дав толчок научному исследованию. Подчеркивая, что познание возможно и без теологии, он провел грань между истиной философской и богословской. То, что истинно для теолога, может быть ложным для философа; разум не позволяет ни познать Бога, ни доказать его бытие, и потому в творца нужно просто верить. Оккам утверждает, что наука и вера, философия и теология развиваются по своим собственным законам. Он всё ещё защищает веру, но уже видит изъяны в схоластике.

Наступившее Возрождение разрушило окостенелую схоластическую систему. Человек потеснил Бога и постепенно стал занимать его место. Не презрение к земному миру, а признание человеческого разума и его стремления к счастью – вот что становится главным. Старые догмы пересматриваются, и авторитеты, за неуважение к которым строго карали, перестают считаться непогрешимыми. Растёт популярность идей борьбы с несправедливостью, всеобщего равенства. Однако некоторые тогдашние фантазии на эту тему нам могут показаться странными. Вспомним хотя бы английского философа Томаса Мора, презиравшего схоластику. Он стремился к реформе церкви, но не умел ладить с королями, и на шестом десятке лет лишился головы. Не в пример нравам, царившим при дворе Генриха VIII, порядки его знаменитой «Утопии» отличаются веротерпимостью и мягкими законами. Но тот, кто помнит будни советской утопии, замечает и другие детали... Гуманному и благочестивому светлое будущее представляется, конечно, без частной собственности. Чтобы окончательно победить равнодушие к ней, утопийцы каждые десять лет меняют дома. Все одеваются одинаково, только одежда женатых и неженатых отличается, так что тех и других видно издали. Спать все ложатся в восемь вечера, подъем – в четыре. В эти предрассветные часы, по мнению утописта, хочется... послушать лекцию. На неё приводят тех, кто «отобран для науки», хотя автор и утверждает, что многие приходят добровольно. В этом государстве имеется ещё много столь же прогрессивных

придумок, потому что возможности утопий неисчерпаемы. Трудно представить, от каких же суровых реалий улетала мысль Мора в эту идеальную страну свободных людей.

Новые времена требуют практичности, веры в прогресс. Бэкон отвергает идолов, мешающих познанию, и предпочитает опыт. Декарт заново строит философское здание, провозгласив главным принципом сомнение. Оно помогает ему покончить с предрассудками и искать достоверное. Науки, зависящие от наблюдения, – физика, астрономия, медицина – имеют для него сомнительную ценность, он предпочитает арифметику и геометрию. Идея перспективная: вот уже и Спиноза под влиянием точного мышления излагает свои этические рассуждения подобно геометрическим теоремам. Спиноза рационалист. Гораздо выше голоса чувств для него истина, постигнутая разумом.

От теоретических попыток познать мир наука всё больше склоняется к его преобразованию. Техника создает ощущение власти над природой, и в результате рождается новая философия, для которой весь мир, а порой и сам человек – всего лишь материал для удивительных свершений. Недаром такое направление умов сами философы назовут формой безумия. А русский мыслитель Иван Ильин заметит, что самое главное и драгоценное в человеческой жизни открывается именно сердцу...

Но это будет позже, а пока в философию вместе с Декартом проникает индивидуализм. В средневековье истину определяла коллективная мысль церковных соборов, а тут... помните? «Я мыслю, следовательно, я существую». Английский философ Джон Локк пошел в этом направлении ещё дальше. Он не был догматиком и мог терпеливо обсуждать любой вопрос, а потому верил не в революции, а в реформы. Склонность предписывать, по его мнению, несоместима с любовью к истине. Кроме того, Локк был доброжелательным человеком и считал единственно достойным мотивом наших поступков – стремление к счастью или хотя бы к удовольствию. «Что двигает желанием? Я отвечу – счастье и только оно», – так формулирует философ. Его философия просвещенного эгоизма строилась на здравом смысле: ведь эгоистические и общественные интересы совпадают – правда, только в конечном счёте. Но люди не всегда поступают разумно, потому-то часто за ближайшими интересами не видят конечных. Значит, главная добродетель – это благоразумие. К тому же именно благоразумные становятся богатыми, напоминает Локк.

Был ли он прав насчет движущей силы счастья – вопрос спорный. Многие желания, хоть и сулят удовольствия, почему-то часто приводят к несчастьям. Может, не хватает благоразумия? Или желание движет не счастье, а страсти, как у романтически настроенных философов, которые, подобно Руссо, стремились к бурям и потрясениям? Романтики презирают удовольствия, ценят героизм и в заботах об улучшении мира легко оправдывают жестокость ради всеобщего блага. Если любители тихого индивидуального счастья считали войну безумием, то противники комфорта и покоя восхищались ею. Деньги недостойны их возвышенных душ, а сдержанность и благоразумие противны. Они любили пиратов и привидения, презирали рабов и трусов. Заботясь о свободе человека, который-де «везде в оковах», Руссо в своем «Общественном договоре» предлагал каждому гражданину безоговорочно подчиниться непогрешимой верховной власти. И убедительно доказывал, что в данном случае это «означает лишь то, что его силой заставляют быть свободным». Недаром этот «Договор» в свое время так пришелся по душе Робеспьеру, вождю французской революции. Тому самому, кто теоретически обосновал преимущества кровавой «революционной диктатуры» и сам кончил жизнь под ножом гильотины.

А позднее уже другой герой – Наполеон – вдохновлял Фихте и Ницше. Фихте славил действие, звал к преобразованию природы и общества, а его соотечественник уважал силу, войну и породу. Простых людей Ницше называет недоделанными и презирает Сократа за низкое происхождение. Победитель для него биологически лучше побежденного. Конечно, Ницше

вовсе не так прост, но и в нём чувствуется возвышенная и ранимая душа Руссо: он не гонится за наслаждениями, а лишь избегает горя...

Так сторонники реформ и революций разделились на последователей Локка и Руссо. И те и другие стремились к всеобщему благу. Одни, по замечанию Б. Рассела, пришли к Рузвельту, другие – к Гитлеру.

Об истока добра и зла, о назначении человека думал и русский философ Николай Бердяев. Он писал о своём, писал о себе. Его философия непроста и порой противоречива, но многие мысли по-прежнему современны. Для Бердяева главное отличие человека от животных – не разум, а неповторимость личности, её уникальность. Верховная ценность для него не коллектив и даже не народ, не государство, а свободная личность. Однако настолько свободная, что, в отличие от кантовской, отвергает и нравственный долг, требующий не делать другому того, чего не желаешь себе. Что же получается, личность совсем без тормозов? Нет, есть один, главный – совесть. Общество искажает, насилует её, а экономическая зависимость и вовсе уродует. Но сама она свободна и не зависит от социального положения человека, его симпатий, принадлежности к партиям и т. п. Она формируется в глубинах его духа, там, где слышится голос Бога. А отношение к обществу зависит уже от того, что родилось в этих никому не подвластных глубинах.

Может, Бердяев фанатик совести? Нет, он её поклонник, и потому против всякого фанатизма. Философ убежден, что фанатик может быть и идейным, и бескорыстным, и аскетичным, может быть одержим идеей свободы, но не способен быть свободным. Он не в состоянии вместить больше одной мысли, он прямолинеен и видит не человека, а идею – равенства, веры, патриотизма или чего-нибудь ещё. А ведь во всех идеях – и еретических, и официально одобренных – была доля истины, но её отстаивали с такой яростью, сметая всё вокруг, что от самой истины уже ничего не оставалось.

Нельзя допускать фанатизма ни в чём, предупреждает Н. Бердяев. Стремись к свободе, но никогда не забывай об истине, о любви, о справедливости, иначе свобода станет пустой идеей. Стремись к истине, любви и справедливости, но не забывай о свободе, чтобы не прокладывать путь добру насилием. Стремись к полноте жизни, призывает философ. Он уверен, что не слепому рассудку, а лишь полно живущему человеку со всеми его чувствами и желаниями, опытом и заботами, открывается истина.

Философ, изгнанный из страны большевиками, писал об истине, а тем временем насилие на его родине становилось всё злей и ненасытней. Конца ему не видно, но зоркому сердцу ясна обреченность зла. Вспомним ещё одного выдающегося русского мыслителя – Питирима Сорокина, который тоже не по своей воле навсегда покинул родину. Прощаясь с ней в 1922 году, он записал в своем дневнике, что извлек для себя три главных урока: «Жизнь, даже если она трудна, самое прекрасное, чудесное и восхитительное сокровище мира. Следовать долгу столь же прекрасно, ибо жизнь становится счастливой, душа же обретает непоколебимую силу отстаивать идеалы, – вот мой второй урок. А третий – насилие, ненависть и несправедливость никогда не смогут сотворить ни умственного, ни нравственного и ни даже материального царствия на земле».

Жизнь, совесть, добро – вот боги, которым поклоняется мудрый. Если бы это вовремя поняли те, кто отправлял 33-летнего философа в изгнание, то история была бы другой. Но так устроен человеческий мир: кому не впрок чужие уроки, тому не миновать своих. И если их плохо усвоят отцы, то они повторятся для детей. Тайственный Принцип, который руководит миром, непреложен и никогда не перестанет преподавать своим разумным созданиям полезные истины.

Некоторые из этих истин имеющие отношение к теме нашего разговора, мы выделили в конце каждого очерка как своеобразные уроки. Вслед за уроками идут небольшие отрывки

из философских произведений, потому что никакой пересказ не заменит голоса самого мудреца.

Конфуций **(552 – 479 до Р.Х.)**

Он ничего не выдумывал и учил только тому, что было завещано предками. Его советы практичны и приземлены, в них воплощен китайский народный характер. Даже в обрядах он искал прежде всего здравый смысл. Когда его спросили, чувствуют ли предки почтение потомков, мудрец ответил: «Если я скажу да, то живые будут чересчур поглощены служению усопшим в ущерб себе, скажу нет – о предках забудут. Лучше, не рассуждая, чтить их память».

Но даже такие простые советы народ постигал с трудом. Может, полезнее упростить учение? Нет, Конфуций не согласен: моё учение неизменно, как небо, говорил он. Мое дело – посеять добрые семена и заботиться о всходах, а приблизить сбор урожая – не в моей власти. И вот результат: в семьдесят лет старик горестно воскликнул: «Всё кончено! Никто в целом мире так и не понял меня...»

Если бы в этом Конфуций оказался прав – кто бы помнил его сегодня? Он был прав в другом, говоря, что добродетель никогда не останется в одиночестве, она обязательно соберет вокруг себя людей. Так и вышло. Уже после его смерти ученики записали высказывания учителя. Собранные там вопросы, ответы и изречения мудреца пришлись по душе многим поколениям. Спустя четыре века после смерти философа конфуцианство стало государственным учением. Прошло еще полтора тысячелетия – и его причислили к лику святых.

Дар небес

Его рождения очень ждали. Отважный воин Шулян Хэ был отмечен государем за верную службу, но наследником не обзавёлся, а посему считал, что главного своего дела так и не выполнил. Девять дочерей родила ему жена, прежде чем он решил попытать счастья с другой. Вторая жена родила мальчика, но калеку, а традиция запрещала такому обращаться с молитвой к предкам. Старому воину было уже семьдесят, когда он женился в третий раз. Возможно, лишь бедность заставила шестнадцатилетнюю Чженцзай породниться с потомком знатного рода.

Этот брак называли «диким»: ведь жизнь мужчины подчиняется числу восемь, и если в восемь месяцев у мальчика появляются молочные зубы, то в шестьдесят четыре года (8 x 8) мужская сила оставляет его... Но жена дала обет духу горы Ницю щедро отблагодарить, если он принесет сына. Вот тут-то и начались чудеса. Однажды дух явился во сне и сообщил, что родился необыкновенный ребенок.

Мальчик появился на свет в день осеннего равноденствия. Легенда гласит, что в этот день с небес лилась красивая музыка, и чей-то голос произнес: «Небо, вняв твоим молитвам, дарует тебе мудрейшего из сынов человеческих». Нынешняя наука не принимает всерьез подобные истории, хотя и допускает, что природа всё еще загадочна для нас. Поэтому мы не очень ошибемся, если будем считать то событие неким аномальным явлением.

Мальша назвали Цю, в память о той горе. Он, конечно, пока не мог обратить на себя внимание мудростью, зато все сразу заметили, что ребенок на редкость некрасив – массивный лоб, выпученные глаза, длинные уши... Современники находили в нём сходство с маской божества, отгонявшего злых духов. Однако вскоре мальчик обнаружил качества, которые для мужчины куда важнее приятной внешности, – трудолюбие, терпение и огромное желание учиться.

В детстве Цю, как и все его сверстники, изучал традиционные искусства: письмо, счет, ритуалы, музыку, учился стрельбе из лука и езде на боевой колеснице. Не всегда он был одинаково прилежен. Во всяком случае, боевыми искусствами не увлекался. А в пятнадцать лет всерьез занялся тем, что его интересовало больше всего. «Учиться и всякое время прикладывать выученное к делу – разве это не удовольствие?» – говорил он.

Но о каком деле тут речь? Ведь известно, что к практическим делам Кун Цю всегда относился довольно прохладно. Когда уже пришло признание, сосед взялся подшучивать над ним – мол, учитель знает много, но нет занятия, в котором он стал бы известен. И услышал ироничный ответ: «И правда, в каком бы деле мне прославиться? Может, в управлении колесницей? Или в стрельбе из лука? Да, да! Займусь-ка я ездой на колеснице...» Однако пренебрежение к конкретным делам не помешало ему к двадцати годам иметь репутацию не только ученого человека, но и добросовестного служащего. О своей первой работе – учетчика при хлебных амбарах – он говорит сдержанно: «Я только следил за тем, чтобы записи велись правильно, вот и всё». Его усердие оценили, и он стал управляющим пастбищ одного богатого семейства. Там он тоже «лишь следил за тем, чтобы скот рос здоровым и жирным». А в будущем ему придется занимать и более серьезные государственные посты. На какие же науки, в таком случае, налегал молодой человек?

Что знаешь, то считай, что знаешь...

Первым делом Учитель Кун учился и учил скромности: «Что знаешь, то считай, что знаешь, незнание считай незнанием. Это и есть знание». Банально? Но если вдуматься, отчего с нами происходят всякие неприятности – от неудач в личной жизни до вооруженных междоусобиц, – то обнаружим заблуждения, неверные прогнозы, путаницу желаемого с действительным... иными словами, неумение определять границу собственных знаний. Поэтому великий китаец всегда помнил о своих скромных познаниях и не стеснялся спрашивать, резонно полагая, что если задавший вопрос рискует показаться глупцом на пять минут, то промолчавший останется им на всю жизнь.

У кого и чему учился философ? У всех и всему: «Слышу многое, выбираю из него хорошее и следую ему», – говорил он. Где слышать и от кого – неважно, гораздо важнее уметь воспринимать полезное и совершенствоваться, начиная с простых, повседневных дел. Кун Цю был уверен, что если человек почитает родителей и старших, честен и добр, то главное он уже знает. Это философ считал основой добропорядочности и называл ритуалом. Для нас ритуал связан прежде всего с обрядом и церемониями, но в те времена он значил гораздо больше: спрашивать, когда не знаешь, найти свой путь и идти по нему, говорить правду правителям; постоянно учиться поступать правильно, по совести.

Но что значит – правильно? С чьей точки зрения? Разве неправильно поступил небезызвестный пионер-герой Павлик Морозов, который, говоря словами Максима Горького, «понял, что родные по крови могут быть врагами по духу»? Разобраться с этим противоречием пытались задолго до нашей эры. Вот что сказал Учителю Куну правитель Шэгу: «Есть в общине у нас человек прямой: его отец украл барана, а сын выступил против отца свидетелем». Учитель ответил: «У нас в общине прямые люди отличаются от ваших. Отцы тут покрывают сыновей, а сыновья – отцов. В этом и заключается прямота!»

Выходит, мудрец поощрял воровство? Нет, конечно. Но выше барана он ставил интересы страны: чтобы страна процветала, «правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, а сын – сыном». В этом он и видел секрет мудрого правления. Значит, у каждого должно быть право на собственную правду. А сыну-доносчику правду диктуют власти.

К тридцати годам философ имел, как он говорит, «прочную опору»: дом, семью, детей, десять лет состоял на службе. У него уже были ученики, и называли его теперь не Кун Цю, а Кун Фу-цзы, или Почтенный Учитель Кун. Конфуцием его стали звать европейцы на свой лад.

О пользе ритуала

Но вернемся к ритуалу. В нем Учитель видел путь к справедливым и искренним отношениям, потому что только исправление нравов способно исправить общество. Следуя ритуалу, он был разным в зависимости от обстоятельств: в своей деревне простодушен, в беседе с высшими сановниками твёрд, с государями почтителен. Зачем всё это? А вот зачем: «Учитель говорит ко времени – и люди не устают от его слов; смеется, когда весело, – и людям не докучает его смех; приобретает, если справедливо, – и людям не надоедает его приобретательство», – объясняет ученик. То есть, культура – или, по Конфуцию, ритуал – учит гармонии отношений, и «муж, обладающий широкими познаниями и сдерживающий себя ритуалами, крайне редко выходит за границы разумного». Малый же человек, в противоположность благородному мужу, «в речах непременно искренен, в делах непременно исполнитель, мелок и тверд». Но разве искренность и исполнительность не были достоинствами в те времена? Смотри в чём. Доносчик может быть искренен, палач – твёрд, а исполнитель преступного приказа – верен присяге. Мудрец одобряет другое: когда человек в своих повседневных делах помнит и о высших целях. Тогда он не скажет, что-де «время было такое» или «нас так учили», потому что порядочный человек всегда поступает так, как считает нужным.

Его школа была необычной. Классом служила тень абрикосового дерева. Уроков на определенную тему не было, как не было и домашних заданий. Учитель отвечал на вопросы, делился мыслями, – просто жил на глазах учеников. «Когда сгорела конюшня, Учитель, вернувшись из дворца, спросил: „Никто не пострадал?“ О лошадях не спросил» – такой, к примеру, эпизод запомнили ученики. Чисто восточная привычка учиться на мелочах, извлекая из них глубокий смысл. Впоследствии воспитанники так определили предметы, которые преподавал им мудрец: словесность, благонравное поведение, преданность и доверие.

Учитель никому не обещал ни выгодной службы, ни богатства, ни даже того, что учёба пойдет впрок. Он лишь помогал слушавшим его раскрыть свои лучшие качества. Но, принимая всех, не тратил время на тех, кто не мог «узнав об одном, понять ещё три» и не стеснялся говорить ученикам правду: «Из гнилого дерева ничего не вырежешь, из сухого навоза не построишь стены. Какой смысл бранить Юя?» – сказал однажды о нерадивом. Бывал и крут, и непредсказуем. Когда один из учеников, нарушая приличия, расселся, широко раскинув ноги, философ попросту огрел его палкой, добавив при этом: «Быть нескромным и грубым в молодости, не создать ничего достойного в зрелом возрасте и бояться смерти в старости – вот что я называю ничтожеством!» Но к лицу ли знающему ритуал так поступать? Не будем судить. Живи мудрец в наши дни, он, возможно, поступил бы иначе. Важно то, что из этого эпизода до сих пор извлекают нравственный урок. И, наверное, правы китайцы, когда в таких случаях дипломатично говорят: «Велик Учитель Кун!»

Мудрец учил не тому, как проникать в секреты природы и «покорять» её, а тому, как с достоинством принять свою судьбу и стать лучше. Говорил о том, что может и должен делать человек, учил искусству жить вместе: «Тот, кто учтив, избегнет оскорблений. Тот, кто великодушен, привлечет к себе людей. Тот, кто честен, будет пользоваться доверием. Прилежный добьется успеха. А тот, кто добр, сможет управлять другими». Это он называл человечностью. Но однажды печально заметил, что ещё не встречал человека, у которого хватило сил хотя бы день посвятить этому искусству.

Он учил принимать жизнь такой, какая она есть, и радоваться ей. Да только всякая ли жизнь может радовать? Этот вопрос возник у Учителя, когда ему встретился старик, распевавший веселые песни. То, что старость – не радость, было ясно и тогда, однако старик оказался философом и объяснил, что вообще-то есть много причин радоваться. Но у него главные – три: «Я человек, я мужчина, и я живу».

Благородный муж всегда безмятежен и умиротворен, потому что источник его благополучия – в нём самом. Такого человека не мучает разлад между желаниями и возможностями, и он не склонен к революциям и смутам. Он выполняет свой долг даже тогда, когда поражение очевидно. И как ювелир создает произведение искусства, так и человек должен сделать из себя достойного мужа, потому что тот, кто понимает смысл собственной жизни, знает, что нужно делать.

Учёба, по Конфуцию, – это поиск ответов на вопросы. Вопросы же возникают, когда есть сомнения. «Низший люд» потому и не учится, что не сомневается. Тут Учитель иллюзий не питал: народ можно принудить к послушанию, но нельзя принудить к знанию.

Следуя зову сердца

Учитель Кун многое знал, но многого не умел. Не умел угождать, раболепствовать, интриговать, а его прямодушные суждения далеко не всегда нравились покровителям. Но чего стоит мудрость, если её не приложить к делу! Он чувствовал, что за три года, за какую-то тысячу дней может преобразить страну. Для этого правитель всего лишь должен отбирать на службу честных людей и сам быть добродетельным. Ведь пороки низов – это отражение пороков верхушки. «Управлять – значит исправлять. Если вы сами явите образец исправления, кто посмеет не быть прямым?» Наивный старик... Лишь со временем он понял, что правители меньше всего озабочены чужим счастьем, им важно лишь собственное процветание. Император не принял от него даже вполне безобидного совета: мол, мудрость государя заключается в бережливости. Мало ли на свете приятных вещей, которые требуют расходов?.. Нет, сомнительная философия у этого Куна.

Его попытались купить, предложив владение уделом. Да только благородный муж стыдится получать награды, не имея заслуг. Ему даже предлагали титул придворного советника, но тут уж насторожились вельможи: их налаженная жизнь не нуждалась ни в каких переменах, а с таким советчиком можно потерять всё. Многие знатные особы перестали его принимать, ходили упорные слухи о скором покушении... Яркая личность рождает проблемы, нет человека – нет и проблем, скажут тысячелетия спустя и по другому поводу. Философу пришлось спешно отправиться восвояси, не успев поест. Впрочем, Учитель и тут усмотрел нечто поучительное: если на чужбину нужно ехать не торопясь, то возвращаться на родину следует даже не перекусив. Трусостью он считал не бегство, а сокрытие правды.

Он побывал в разных царствах, был и придворным судьей и городским правителем, но нигде не задержался. Тогдашним политикам и хозяйственникам не приглянулась его идея исправления нравов. А там, где нет праведного пути, не стоит оставаться. И Учитель вернулся на родину. Он понимал, что стремится к недостижимому. Но если нельзя построить царство благородных мужей, то отчего же не стремиться к благородству?

Подводя итоги, он говорил:

Ну, а всё-таки: был ли счастлив сам Учитель? И чего он достиг? «Если ты такой умный, то почему не богатый?» – вопрошают современные остроумцы. «Если бы богатство было целью моей жизни, – отвечает философ, – я сделал бы всё для того, чтобы добыть его, даже если бы мне пришлось быть сторожем, что стоит у ворот рынка с кнутом в руке. Но я этого не хочу и буду жить по своей воле».

Его мечта осуществить свои планы на посту государственного мужа не сбылась. Ученики далеки от совершенства, хватает и недоброжелателей. Умирает сын, потом – лучший ученик... И старик, забыв о ритуале, горько рыдает. А где же невозмутимость благородного мужа? Что ж, он и сам не всегда мог следовать своим же поучениям, потому что был только человеком. Зато идти его путем захотели многие. Так на что жаловаться тому, кого помнят потомки? Благородный муж страшится лишь забвения, говорил Учитель.

Его заветы, может, и не изменили общество, но, по крайней мере, умножили добро в мире. Мудрец из Цюйфу первым в Китае провозгласил человеческие ценности и всю жизнь только им и поклонялся. О нём спорят по сей день. Учителя Куна то вдруг объявляют реакционером, ответственным за отсталость страны, то восточным Козьмой Прутковым, то китайским Марксом. Но говорят и о другом: о новом типе цивилизации – конфуцианской, где вместо героя западного образца – борца и преобразователя, поставившего мир на грань гибели, историю творит другой человек, нравственный, без которого любые научно-технические чудеса лишь упрощают самоубийство.

...В городе Цюйфу находится одна из самых старых на земле могил. На плите надпись: «Могила явившего великое свершение высочайшего мудреца, властителя просвещений». Здесь похоронен Учитель Кун.

Некий человек хотел стать мудрецом, но в погоне за мудростью пренебрег обычными житейскими обязанностями: ничего не успел сделать для родителей, единственный сын покинул его, а правителью не понадобилась его мудрость. Тогда этот человек решил расстаться с жизнью. Его спасли, и Конфуций сказал неудачнику:

– Как бы ни были велики твои ошибки, они ничто по сравнению с малодушием. Всякая ошибка – дело поправимое, но самоубийство – преступление. Ты с самого начала пошёл ложным путем. Сначала надо было сделаться человеком. А стать мудрецом можно лишь точно исполняя человеческие обязанности, налагаемые самой природой. Первая твоя обязанность – любить родителей, но ты ее не исполнил, и в этом причина всех несчастий. Но не думай, что всё погибло; покуда человек жив, он не должен отчаиваться, потому что за горем может следовать радость. Мужайся и снова примись за труды, будто сегодня снова начал жить. Ты еще можешь стать мудрым.

В этой притче заключены пять великих конфуцианских добродетелей, основы разумного порядка в человеческой жизни: мудрость, гуманность, верность, почитание старших, мужество. А идеи о гармоничном обществе, населенном благородными мужами, и составили конфуцианское учение. При этом каждый должен знать в этом обществе свое место: «правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, а сын – сыном».

«В пятнадцать лет я обратил помыслы к учению.

В тридцать лет я имел прочную основу.

В сорок лет у меня не осталось сомнений.

В пятьдесят лет я знал веление Небес.

В шестьдесят лет я настроил свой слух.

А теперь в свои семьдесят лет я следую зову сердца, не нарушая правил...»

Учитель сказал:

Благородный муж живет в согласии со всеми. Низкий человек ищет себе подобных.

Благородный муж беспристрастен и не терпит групповщины. Низкий человек любит сталкивать людей и сколачивать клики.

Благородный муж стойко переносит беды. Низкий человек в беде распускается.

Благородный муж помогает людям увидеть доброе в себе и не учит людей видеть в себе дурное. А низкий человек поступает наоборот.

То, что ищет благородный муж, находится в нём самом. То, что ищет низкий человек, находится в других.

Если наставлять приказами и насаждать порядок наказаниями, то люди будут стараться обойти запреты и потеряют чувство стыда. Если наставлять добродетелью и поддерживать порядок посредством ритуала, люди будут знать, что такое стыд, и вести себя пристойно.

Почтительность без знания ритуала превращается в самоистязание. Осторожность без знания ритуала превращается в трусость. Храбрость без

знания ритуала превращается в безрассудство. Прямодушие без знания ритуала превращается в грубость.

Увидев мудрого, стремитесь с ним сравняться, увидев недостойного, вникайте внутрь себя!

Напрасно обучение без мысли, опасна мысль без обучения.

Младшего по возрасту стоит уважать. Откуда можно знать, что не сравнится он в будущем со старшими? Но уважать того не стоит, кому уже сорок или пятьдесят, а славы не обрел.

Что ненавидят все, то требует проверки. Что любят все, то требует проверки.

Высший – тот, кто знает от рождения; следующий – тот, кто познаёт в учении; следующий далее – учится, когда испытывает крайность; те же, кто и в крайности не учится, – люди низшие.

Цыгун спросил: «Найдется ли одно такое слово, которому можно было бы следовать всю жизнь?» Учитель ответил: «Это слово – взаимность. Чего себе не пожелаешь, того не делай и другим».

Цыгун спросил: «Что если кого-то любят все односельчане?» Учитель ответил: «Это плохо». «Что если кого-то ненавидят все односельчане?» – снова спросил Цыгун. Учитель сказал: «Это тоже плохо. Будет лучше, если его полюбят хорошие односельчане и возненавидят злые».

Конфуций, «Изречения»

Сократ (469—399 до Р.Х.)

По словам современников, Сократ не был похож ни на кого, его не с кем было сравнивать. Даже внешне. Мягко говоря, красотой он не отличался. Когда физиономист Зопир, глядя на Сократа, нашел в нём признаки едва ли не всех пороков, то его высмеяли, потому что знали умеренность философа. Сам же Сократ объяснял это несоответствие тем, что победил свои вожделения с помощью разума. Молодым он советовал чаще смотреться в зеркало: красивым – чтобы не срамить своей красоты, а остальным – чтобы воспитанием скрыть изъяны.

Всю жизнь Сократ насмешничал и никаких ученых трудов не оставил, хотя философом был прирожденным. Только жизнь его и осталась в памяти.

Не верьте богам на слово

Жена называла Сократа болтуном, бездельником и нередко устраивала мужу шумные сцены: могла выплеснуть на своего философа помои, выгнать из дому вместе с друзьями... Собственно, Сократ и не любил сидеть дома. Целые дни он проводил на рынке и окрестных улицах, беседуя со всяким, кто был не прочь поговорить. Глядя на рыночное изобилие, замечал: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!» Он был уверен, что чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам. Может, поэтому и обошла его стороной чума, охватившая Афины. Во всяком случае биографы объяснили этот факт именно здоровым образом жизни философа. Но аскетизм не приносит денег. Заботы о пропитании семьи, в том числе троих малолетних детей, доставались Ксантиппе. Естественно, это повлияло на её характер, и жена Сократа вошла в историю как пример скандальной супруги.

В отличие от Ксантиппы, другая женщина однажды высказала совсем иное мнение об уличном философе. Один из сократовских приятелей, будучи как-то в Дельфах, заглянул в храм Аполлона и спросил тамошнюю пророчицу: «Есть ли кто на свете мудрее Сократа?» Пифия, чьими устами вещал сам бог, ответила кратко и категорично: «Нет никого мудрее».

Когда эти слова стали известны Сократу, то озадачили его. Он действительно не считал себя мудрым и знаменитые слова – «я знаю, что ничего не знаю» – сказал вовсе не из желания порисоваться. Согласиться теперь с Аполлоном – значит признать, что всю жизнь смеялся над людьми, прикидываясь наивным и незнающим. Но допустить, что бог ошибся, а то и кривил душой, было вовсе немислимо. Оставалось только проверить его правоту. И Сократ отправился к одному из государственных мужей, слышшему весьма мудрым. Философ решил побеседовать с ним на некоторые отвлеченные темы, которые не могли не занимать государственного человека, – например, что такое справедливость, закон, власть и тому подобные вещи. Беседа разочаровала философа. По сравнению с чиновником он даже почувствовал некоторое превосходство: «Мы с ним, пожалуй, оба ничего хорошего и дельного не знаем, но он, не зная, воображает, будто что-то знает, а я если уж не знаю, то и не воображаю».

Потом он беседовал со многими, тоже вроде бы мудрыми и знающими, – от поэтов до ремесленников. Действительно, все они были неплохими специалистами, но когда брались судить обо всём на свете, то тут же обнаруживали свою ограниченность. В конце концов Сократ пришел к компромиссному выводу, что мудрым его называли всего лишь для примера: мол, мудр тот, кто подобно Сократу знает ничтожную цену своей мудрости. По-настоящему мудр только бог, а человеку дано лишь быть любителем мудрости – философом.

Советы с небес

Похоже, Сократу покровительствовала некая высшая сила. Так, он рассказывал, что слышит «божественный голос», или демона, который удерживает его от неверных поступков. В связи с этим Плутарх приводит такой случай. Однажды Сократ шёл с друзьями по улице. Вдруг он остановился, углубился в себя, а потом, сославшись на предостережение демона, предложил спутникам вернуться и пойти другим путем. Его послушали не все, и некоторые двинулись напрямик. Скоро любителям прямых дорог встретилось стадо грязных свиней. Посторониться было некуда, и животные одних сбили с ног, других запачкали.

«Началось это у меня с детства, – рассказывал Сократ. – Возникает какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я собираюсь делать». Этот же голос не рекомендовал ему заниматься политикой, где человеку трудно оставаться честным. Но философ, видимо, слушался не всегда и оказался-таки в афинском совете пятисот – высшем органе власти. Однажды его даже выбрали эпистатом – то есть, по сути, президентом республики, но только с полномочиями на один день. И в тот же день Сократ, поклявшись соблюдать законы, пошёл против воли народа. Дело даже не в том, что два стратега, которых захотели приговорить к смерти, были не виноваты: нарушался законный порядок судопроизводства, а с этим Сократ смириться не мог.

Народ был недоволен своим избранником, ему угрожали влиятельные лица. Но если философ ставил справедливость выше воли народа, что ему угрозы? Он предпочитал жить своим умом. Когда обязанности гражданина противоречили его убеждениям, то он, не колеблясь, выбирал последнее.

Пелопонесская война, принесла победу Спарте, покончила с афинской демократией, к власти пришла комиссия из тридцати тиранов. Начались казни. Когда Сократу приказали арестовать одного из противников режима, он, несмотря на смертельную опасность, отказался подчиниться. Если нарушались законы, то для философа не было разницы между демократами и тиранами. Нетрудно представить, чем бы кончилось дело, займись он политикой всерьёз. Впрочем, политического процесса со смертным приговором он так и не избежал.

Вечные вопросы

Его поведением суд займется позже, а пока Сократ, по рассказам современников, часами простаивал на том месте, где его заставляли мысли. О чём же он размышлял?

«Познай самого себя» – эти слова эти слова украшали фронтоны Дельфийского храма. Самопознание и было единственным серьезным вопросом для Сократа. Но зачем? Разве не полезнее овладеть надежным ремеслом, гарантией куска хлеба?

Нет. Философ уверен: только знание позволяет человеку действовать разумно. Того кто знает, что такое хорошо, ничто не заставит поступать плохо. То есть зло существует лишь из-за незнания добра. А поскольку все хотят счастья и в природе человека стремиться к добру, то кто же сознательно выберет зло? Поэтому есть только одно благо – знание, и только одно зло – невежество.

Неужто Сократ был так наивен и прекраснодушен, что не замечал очевидного? Кроме разума, как известно, существуют чувства, и достаточно спуститься с философских высот на землю, чтобы увидеть: между знанием и действием лежит пропасть... Однако Сократ был убежден, что знание добра включает в себя и стремление к нему. Любой поступок правилен настолько, насколько полезен и целесообразен. Тех, кто поступал неправильно, философ не считал умными.

Почему же, вопреки очевидной выгоде, люди поступают плохо? Неужто все глупцы? Нет. Но они считают полезным то, что помогает достичь желаемого, хотя на самом деле полезнее разобраться с желаниями. Иначе человек становится рабом собственных страстей и часто выбирает худшее. Чтобы не ошибиться, философ оценивает поступки с точки зрения истины, добра и счастья, которые несовместимы со злом. Поэтому и не считает счастливым македонского тирана Архелая, погрязшего в преступлениях, роскоши и удовольствиях.

Мудрость для Сократа есть высшее благо, так как это не только знание, но и выбор добра. Именно она – источник всех благ: «не от денег рождается добродетель, а от добродетели бывают у людей и деньги, и все прочие блага». Поэтому Сократа и привлекает философия, отвечающая на простые человеческие вопросы: что хорошо, а что плохо, что прекрасно, а что безобразно, справедливо или не справедливо. Исследование природы он находит бесполезным: ведь знание её законов не позволяет влиять на ход небесных светил или времена года. Он, конечно, не отрицал полезность наук и природы, но гораздо выше ставил изучение человека. Только зная, где добро, а где зло, где истина, а где заблуждение, можно правильно действовать.

Постигать философские истины он предпочитал в беседах и спорах, считая это гораздо удобнее сочинительства. Книжки сравнивал с картинами: «стоят как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат». Без настоящего диалога, по его мнению, нет настоящей мудрости, зато есть возможность перебиваться за счет известного понаслышке. Кстати, и до сих пор для выяснения чужих познаний не придумано ничего лучше живой беседы.

Есть, как известно, три основных вида словесных баталий: спор, полемика, дискуссия. Каждому из них дано немало разных определений, поэтому назовем наиболее существенные. В споре важно победить противника, независимо от того, прав он или нет. Этим отличались софисты, которые стремились к победе любой ценой, с одинаковым успехом доказывая противоположное. Здесь годятся любые уловки – от ссылок на авторитеты и попыток принизить оппонента до многозначительной недосказанности. Poleмика – попытка доказать противнику свою правоту, убедить его, однако полемисту заранее, как ему кажется, ведома истина. Иное дело – дискуссия, когда оба собеседника озабочены поиском истины, но при этом по-своему смотрят на вещи. Сократ же предпочитал умелый, непредвзятый диалог-рассуждение, и искусство вести его называл диалектикой. Она заключалась в умении задавать вопросы и отвечать на них.

А вопросы возникали сложные. Чтобы принимать законы, демократам приходилось задумываться о справедливости и её критериях. Софисты решали проблему просто: что каждому городу представляется справедливым, то и справедливо. Отсюда неизбежно следовал вывод о праве сильного господствовать над слабым. Но Сократ был убежден, что если существует много разных справедливостей, то можно, поднявшись над частностями, говорить о справедливости вообще, единой для всех. То же самое относится и к таким понятиям, как истина, добродетель, мужество. Философ впервые попытался найти общие этические определения, пусть даже такие попытки нередко не давали результата. Кстати, именно по этому поводу была сказана фраза насчет собственного незнания. Это не итог размышлений, а начало: «Я знаю, что я ничего не знаю... О том, что такое добродетель, я ничего не знаю... И всё-таки хочу вместе с тобой поразмыслить и понять, что она такое».

Но где же тут истина? Скорее, демонстрация бессилия разума. Да и собеседники Сократа тоже быстро убеждались, что знают ничуть не больше его. Однако философские диалоги не закончены. Обнажив незнание, мудрец подтолкнул к поиску, который продолжается до сих пор.

В свое время молодежные газеты с азартом спорили о том, нужна ли физике лирика и как связаны знания с нравственностью. В качестве примера обычно приводили какого-нибудь бессердечного ученого и, наоборот, высокоморального «простого» человека. Споры, надо сказать, пустые. Если невежа нуждается в воспитании, то невежда – в образовании. И бесполезно выяснять, кто из них лучше. Причем подлинное знание и подлинная нравственность не противоречат друг другу, а дополняют. Их единство означает, что человек знает и понимает себя и мир, в котором живёт. Не о том ли толковал и Сократ? Пусть даже не каждому хватает жизни, чтобы подняться хоть на ступеньку бесконечного пути к подлинному.

В общем-то Сократ, как и Конфуций, учил умению жить. Науку свою никому не навязывал. «Я никогда не был ничьим учителем. Если кто хотел слушать, что я говорю, и видеть, что я делаю, молодой ли, пожилой ли, я никому никогда не отказывал», – говорил он. Как и Конфуций, ничего не писал; о его беседах мы знаем благодаря Платону и Ксенофону.

Вопросы, мучившие философа, могут показаться прагматику безделицей, игрой досужего ума. А на самом деле оказались вечными.

За язык – к высшей мере

Как пишет Диоген Лаэртский, Сократ первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнён по суду. В спорах он был непревзойдён и ему нередко доставалось от неудачников. Бывало, и за волосы таскали, и поколачивали. Получая пинки, философ терпел: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» – пояснил он однажды. Но в суд подали на него самого. Хозяин кожевенных мастерских Анит давно ненавидел язвительного умника, который насмешничал по поводу его порочных услад с Алкивиадом, будущей афинской знаменитостью. В конце концов кожевник нанял некоего стихотворца, чтобы он свидетельствовал против Сократа. Для надёжности в компанию взяли и оратора. Истцы обвинили философа в неуважении богов и развращении молодежи, потребовав за это смерти. Сократа не переспорить, зато вполне можно убить.

Действительно, молодые почитатели философа частенько ставили в трудное положение уважаемых афинян своими вопросами. Припомнили Сократу и советы «божественного голоса»: слушать надо богов, а не демонов. И все же дело было, что называется, шито белыми нитками. Заботами о собственной защите Сократ пренебрег: «Я за всю жизнь не сделал ничего предосудительного. Это я считаю лучшей подготовкой к защите», – сказал он.

Надо заметить, враги не столько добивались его смерти, сколько жаждали моральной победы. Их вполне бы устроило, если бы Сократ, к примеру, сбежал из Афин. Но ответчик явился на суд и вел себя так, будто забыл предупреждение друзей: здесь судьи часто осуждают на смерть невиновных, раздраженные их речами. Как, впрочем, и оправдывают виновных, если только те своим поведением ублажат судейское самолюбие. А речь Сократа скорее напоминала обвинение, а не оправдание. Он даже не использовал законный шанс смягчить себе наказание. Дело в том, что обвиняемый мог сам предложить себе меру наказания, справедливую с его точки зрения, и суд присяжных нередко с ней соглашался. Сократ, словно в насмешку, сказал, что его, человека заслуженного, но бедного, вполне устроил бы обед за общественный счет в знак признания особых заслуг перед государством. Суд усмотрел в этом издевку и большинством голосов вынес смертный приговор. И философ предпочел смерть унижению: «Я ухожу отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости».

Друзья навещают философа в тюрьме и за день до казни настойчиво уговаривают убежать. Только чего стоила бы сократовская мораль, если бы он ей не следовал... Он отвечает, что несправедливый поступок всегда есть зло и позор для совершающего его. А что если несправедлив закон? Сократ возражает: будучи гражданином Афин, он обязался соблюдать здешние законы. Если же они несправедливы, то за семьдесят лет у него было время уйти из города или добиваться их исправления. В конце концов можно было и на суде потребовать изгнания, теперь же побег лишь подтвердит обвинения. Почему бы беглецу не быть и развратителем юности? И к лицу ли Сократу, всю жизнь твердившему о справедливости и добродетели, бежать в страхе перед смертью? Он достойно прожил жизнь. Впереди лишь старость, болезни, и покинуть этот мир сейчас, не доставив хлопот друзьям, – право же, неплохая участь. Потому он и сказал своим судьям на прощание: «Пора идти отсюда, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить. А что из этого лучше – никому неизвестно, кроме бога».

До самого конца он был удивительно спокоен. Может, помогала уверенность, что с хорошим человеком не случится ничего плохого ни при жизни, ни после смерти?

Чтобы не обременять близких омовением тела, Сократ принимает последнюю ванну и, не дожидаясь заката, просит дать ему яду. Затем пьет чашу цикуты (болиголова) до дна – согласно Платону, спокойно и легко.

Он учил, что человек во всех ситуациях волен в выборе между добром и злом. Что лучше терпеть несправедливость, чем её творить. Что нет ничего на свете выше мудрости. Ему же предложили жизнь в обмен на отказ от философии. А зачем философу такая жизнь?

Пройдут годы, и Платон назовет своего учителя самым счастливым человеком.

Сократ оставил нам не какую-то доктрину, а способ, которым искал истину. Он искал ее не в традициях и авторитетах, а в самом разуме.

Надеялся, что своими вопросами может привести собеседника к ней, верил, что она уже есть внутри нас, ещё с предыдущей жизни, но мы об этом не знаем и лишь вспоминаем забытое. Как и его мать, он хотел быть акушеркой при рождении истины. Ведь знать, как отличать добро от зла – самое важное в жизни, в том числе и посмертной, потому что душа наша живёт и после телесной смерти. Добрые люди после смерти живут в обществе богов, а злые – несчастны и скитаются около могил как духи, призраки, и в конце концов начинают новую земную жизнь, но уже на более низкой ступени.

Философ считал, что невозможно делать злое, зная, что это зло. Был прекрасен? Мы же часто поступаем под влиянием эмоций, страстей: любви, ненависти, зависти, стремления к власти, и при этом хорошо знаем, что есть добро, а что зло. Недаром апостол Павел сетовал: мол, не делаю благо, которого хочу, а делаю зло, которого не хочу. Может, наш слабый разум не всегда умеет отличать добро от зла? Но это бы лишь означало, что мы не отвечаем за свои поступки...

Однажды Антифонт, желая отвлечь от Сократа его собеседников, подошел к нему и в присутствии их сказал так: Сократ! Я думал, что люди, занимающиеся философией, должны становиться счастливее от этого; а ты, мне кажется, вкушаешь плоды от нее противоположные. Живешь ты, например, так, что даже ни один раб при таком образе жизни не остался бы у своего господина: еда у тебя и питье самые скверные; гиматий ты носишь не только скверный, но один и тот же летом и зимой; ходишь ты всегда босой и без хитона. Денег ты не берешь, а они доставляют радость, когда их приобретаешь, а когда владеешь ими, дают возможность жить и приличнее, и приятнее. В других областях знания учителя внушают ученикам желание подражать им. Если и ты хочешь внушить своим собеседникам такую мысль, то смотри на себя как на учителя злополучия.

Сократ на этот ответил: Как мне кажется, Антифонт, ты представляешь себе мою жизнь настолько печальной, что предпочел бы, я уверен, скорее умереть, чем жить как я. Тогда давай посмотрим: что тяжёлого ты нашел в моей жизни? Не то ли, что я, не беря денег, не обязан говорить, с кем не хочу, тогда как берущим деньги поневоле приходится исполнять работу, за которую они получили плату? Или ты хулишь мой образ жизни, думая, что я употребляю пищу менее здоровую, чем ты, и дающую меньше силы? Или ты думаешь, что продукты, которыми я питаюсь, труднее достать, чем твои, потому что они более редки и дороги? Или думаешь, что кушанья, которые ты готовишь, тебе кажутся вкуснее, чем мне мои? Разве ты не знаешь, что кому есть хочется, тому очень мало надобности в лакомых блюдах, и кому пить хочется, тот чувствует очень мало потребности в напитке, которого нет у него? Что касается гиматиев, как тебе известно, их меняют по случаю холода и жара, обувь надевают, чтобы не было препятствий при ходьбе. Так видел ли ты когда, чтобы я из-за холода сидел дома больше, чем кто другой, или по случаю жара ссорился с кем-нибудь из-за тени, или от боли в ногах не шел, куда хочу? <...

> Если я – не раб чрева, сна, сладострастия, то существует ли для этого, по-твоему, какая-нибудь другая. Более важная причина, чем та, что у меня есть другие, более интересные удовольствия, которые доставляют отраду не только в момент пользования, но и тем, что подают надежду на постоянную пользу от них в будущем? Но, конечно, тебе известно, что люди, не видящие никакой удачи в своих делах, не радуются; а которые считают, что у них идет всё хорошо – сельское хозяйство, судоходство или какая другая профессия, – те радуются, видя в этом для себя счастье. Так вот, от всего этого, как ты думаешь, получается ли столько удовольствия, сколько от сознания того, что и сам совершенствуешься в нравственном отношении и друзей делаешь нравственно лучшими? Я вот всегда держусь этого мнения. <...> Похоже, Антифонт, что ты видишь счастье в роскошной, дорогостоящей жизни; а по моему мнению, не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные – это быть очень близким к божеству; но божество совершенно, а быть очень близким к божеству – быть очень близким к совершенству.
Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе»

Платон **(427 – 347 до Р.Х.)**

Если верить молве, Платон был сыном бога Аполлона и, значит, внуком самого Зевса. Аргументы в пользу этого следующие. Древнегреческий писатель Диоген Лаэртский приводит такой рассказ: когда Аристон безуспешно попытался овладеть юной Потонной, то вдруг увидел образ Аполлона. После этого «он сохранил жену в чистоте, пока та не разрешилась младенцем». Маленький Аристокл (имя Платон – «широкий» – дал ему учитель гимнастики за мощное телосложение) родился 27 мая, в день рождения Аполлона.

О том, что от браков богов и земных женщин рождаются незаурядные дети, говорят многие легенды. Прекрасная Елена была дочерью Зевса, от него же Даная родила Персея. Юная Олимпиада, после визита бога Амона разрешилась Александром, впоследствии названным Македонским... Почему бы и Платону не быть в родстве с Аполлоном?

Но если даже история с Аполлоном – чистейшая выдумка, то всё равно род философа восходит к знаменитому афинянскому законодателю Солону, одному из семи греческих мудрецов. На фоне такой родословной скромно выглядит и сам учитель Платона Сократ, сын камнетеса и повитухи.

Кстати, рассказывают, что накануне встречи с Платоном, тогда лишь юным поэтом, Сократ увидел во сне на коленях у себя молодого лебедя, который взлетел с дивным криком. А лебедь – птица, чей образ некогда принимал Аполлон. Считается, что это и предзнаменовало ученичество Платона и их дружбу.

Встреча с Сократом перевернула жизнь юноши. Он боялся упустить хоть слово учителя и тщательно всё записывал. Правда, сам Сократ удивился, послушав кое-что из платоновских сочинений: «Сколько же навывдумывал на меня этот юнец!» – воскликнул он.

Каково учить тиранов

После смерти учителя Платон, как и подобает философу, отправился по свету осваивать науки и чужеземные нравы. В Вавилоне изучал астрономию, у ассирийцев познавал магию. Бывал в Египте, где когда-то его знаменитый предок набирался мудрости у жрецов. Десятилетнее путешествие закончилось на Сицилии, в Сиракузах. Этот город занял особое место в судьбе Платона. Там он поставил уникальный эксперимент, трижды пытаясь обратить правителей к добру.

Поездив по свету, Платон убедился, что владыки плохо справляются со своими обязанностями. Из такого положения дел он видел два выхода: или философы должны стать правителями, или правители философами.

В Сиракузах в те времена правил Дионисий Старший. Жизнь его была обычной для тирана. Войны чередовались с придворными интригами, интриги разнообразились казнями и развлечениями. Важную роль при дворе играл некий Дион, двойной родич тирана. Он жаждал просветить правителя и соблазнил такой возможностью Платона. Дионисий тоже был не прочь побеседовать с философом, и встреча состоялась.

Однако философские беседы не доставили Дионисию удовольствия. Он услышал, что тираны – самые трусливые люди, потому что боятся собственного цирюльника, когда у того в руках бритва. И счастьем они обделены, поскольку его достойны лишь справедливые. На вопрос Дионисия, в чем состоит цель властителя, Платон ответил: «Делать из своих подданных хороших людей».

Правитель считал себя справедливым судьей и поинтересовался мнением философа о значении суда. Платон ответил, что даже справедливые судьи похожи на портных, зашивающих порванное платье, тогда как надо не дыры латать, а иначе управлять. Узнал и другие малоприятные вещи: что если тиран не добродетелен, то не всё то к лучшему, что ему на пользу. Наконец, Дионисий возмутился: «Ты болтаешь как старик», – сказал он. – «А ты как тиран», – ответил Платон.

Придворные, конечно, слушали такие смелые речи, затаив дыхание, но дело кончилось плохо. От казни Платона спасло лишь заступничество друзей и некоторые заботы правителя о собственной репутации. Философу пришлось спешно отбыть в родные края на корабле спартанского посла Поллида.

Но от тиранов так просто не уходят. Вероломный Дионисий приказал послу убить Платона или, по крайней мере, продать в рабство. При этом издевательски заметил, что, будучи человеком справедливым, Платон будет счастлив и в рабстве.

Поллид убить философа не решился, но на острове Эгине вывел его на невольничий рынок. Спасла Платона только его слава. Некий Анникерид узнал известного философа и, купив, тут же отпустил на свободу. Чем и обессмертил своё имя.

Дионисий такого исхода не ожидал и через приближенных попросил Платона не говорить о нем дурного. На это философ ответил, что ему недосуг даже помнить о Дионисии.

Между тем, у сиракузского руководителя подросток сын, Дионисий Младший. Когда он принял бразды правления, Дион решил повторить просветительский эксперимент. Он рассказывал главе государства столько лестного о философе, что тому в конце концов нестерпимо захотелось увидеть Платона, словно ребенку – иметь дорогую игрушку. А Платон за эти годы столько передумал об идеальном устройстве государства, столько написал... И снова согласился.

Его встретили как самого дорогого гостя. Молодой государь даже оказался восприимчив к прогрессивным идеям. Под влиянием Платона он для начала расстался с личной охраной. Поговаривали, что готов расстаться и с конницей, променяв ее на занятия геометрией. Но в итоге хрен, хоть и молодой, оказался ничуть не слаще уже знакомой редьки. Оклеветан-

ного Диона выставили из страны, а его протеже оказался в крепости в странной роли: почётного гостя и одновременно пленника. Немилость правителя сменялась временными приступами пылкой дружбы. . . Ещё не скоро будут сказаны известные слова – «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», – а Платон уже прочувствовал на себе их справедливость. К счастью для него, началась очередная война, владыке стало не до философа и тот благополучно вернулся восвояси.

Говорят, мудрец учится на чужих ошибках, а глупец на своих. А что же Платон?

Через пять лет, на исходе шестого десятка старика уговорили в третий раз отправиться в Сиракузы. Тщеславный Дионисий понял-таки, кого он лишился, и во что бы то ни стало захотел вернуть философа. И добился своего, поставив приезд Платона условием возвращения Диона на родину. Сценарий повторился: пышный прием, возвышенные беседы, после чего охлаждение. Скоро из тихих придворных покоев Платона переселили поближе к солдатским казармам, где его еще помнили как виновника эксперимента с охраной взбалмошного правителя. Только слава Платона помогла ему добраться до дому целым и на этот раз.

А Диона вероломный тиран на родину так и не пустил. Тогда тот собрал кое-какие силы и начал войну с Дионисием. И даже победил. После чего, естественно, начал претворять в жизнь то, чему набрался в Афинах, – платоновские задумки о демократии, где рядом с царской процветала бы и народная власть. Но оказалось, что в Сиракузах далеко не всех устраивало такое правление, и смелого реформатора вскоре убили.

Итак, из платоновских замыслов о просвещенном правлении ничего не вышло. Невежество просвещаться не желало. Но если сила без разума рождает тиранов, то разум, оторванный от жизни, рождает утопии. Надо-де только найти добродетельных и мудрых старцев, которые придумают справедливые законы, обязательные для всех, в том числе и для верховной власти, и настанет царство всеобщего благоденствия.

На эту тему жизнь дала философу еще один урок. Жители города Мегалополя обратились к нему за советом насчет будущего законодательства. Тут же и выяснилось, что всеобщее равенство перед законом никого не устраивает. Платон был поражен. «Истина прекрасна и незыблема, однако думается, что внушить её нелегко», — напишет он потом в «Законах», своём предсмертном произведении.

Идеи хорошие, да люди плохие

После первого неудачного путешествия в Сиракузы Платон купил на окраине Афин дом с садом и основал там свою философскую школу. Рядом была та самая роща, в которой покоился среди олив афинский герой Академ. Согласно преданию, он указал сыновьям Зевса – Кастору и Полидевку, – где укрыта похищенная Тесеем их сестра Елена. С тех пор платоновскую усадьбу афиняне стали именовать Академией, как и место, где находилась философская школа.

Здесь занимались не только философией, но и математикой, астрономией, изучали естественные науки. Двадцать лет в Академии учился Аристотель. А его учитель размышлял под оливами над устройством идеального государства.

Пифагорейцы научили его четкости, логике, умению классифицировать, и философ часто думал над «разделением предметов». Так, государственную власть он делил на пять родов – демократическая (правит большинство), аристократическая (правят лучшие), олигархическая (правят немногие, в зависимости от достатка). Бывает еще царская власть, причем двух разновидностей: по происхождению (цари избираются из одного рода) и по закону (власть можно купить на торгах за деньги). Наконец, тирания (такую власть правитель захватывает хитростью или силой). Демократию Платон не одобрял: если олигархи лишь пытались зажать рот Сократу, то демократы его убили. Да и смешно ожидать от народа, дикого и необразованного, чего-нибудь путного.

Лучшая форма правления для него – это, конечно, собственный проект идеального государства. Состоит оно не из обыкновенных граждан, а исключительно добродетельных, которых для этого специально воспитывают. Все добродетели у философа учтены и пронумерованы. Основных – четыре: мудрость, мужество, благоразумие и – главное – справедливость. У каждой части души своя добродетель. Познавательная часть – разум – должна стремиться к истине, добру и красоте, этим трем основаниям блага. Мужественная часть – дух – должна помогать разуму, не останавливаясь ни перед чем. Её добродетель – знать, чего нужно бояться, а чего нет. Добродетелями чувственной части души – страстей – должны быть умеренность и самообладание, то есть знание того, чем можно пользоваться, а чем нет. Если каждая из этих частей будет исполнять свой долг как следует, то к их добродетелям прибавится еще одна – справедливость.

А поскольку добродетели разные, то и их обладатели занимают разное положение в обществе. Крестьяне и ремесленники входят в сословие низшей добродетели. Их удел – благоразумие, то есть самообладание и покорность. У воинов и чиновников, стоящих на страже государственных устоев, – свое сословие, их добродетель – мужество. Правят же государством те, кто обладает высшими добродетелями – мудрые и справедливые.

Крестьяне и мастеровые всех кормят и обеспечивают, и за это им дано право иметь собственность. Остальных же за пристрастие к собственности беспощадно карают. Бытовые вопросы решает государство. К примеру, воспитывает детей с малых лет, и те считают его своим общим родителем. Заботы опекунов направлены на развитие ума и укрепление тела; поэтому всё, что, на государственный взгляд, мешает этому – сентиментальные мелодии, грустные песни и тому подобные вещи, – запрещено. Для счастья, полагал автор проекта, вполне достаточно быть добродетельным.

В счастье философ усмотрел пять разновидностей. Вот они: разумные желания, здравые чувства и тело, удача в делах, добрая слава и достаток. Платон даже объяснил, как этого достичь. Желания становятся разумными в результате воспитания и опыта, здравые чувства определяются телесным здоровьем, удача приходит, когда человек действует правильно и старательно. Добрая слава у того, о ком говорят хорошее. Кто всего этого достиг, тот и счастлив.

Что ж, всё это довольно банально. Зато непривычно насчет достатка. У Платона это значит иметь достаточно средств, чтобы помогать друзьям и выполнять требования государства. Да, всего лишь, потому что речь идет, напомним, о разумных желаниях. Философ был убежден, что существует некая абсолютная истина, и задача лишь в том, чтобы объяснить человеку, как надо жить – и он тут же выберет лучшее. Как и планировал Сократ.

Не менее решительно, чем со счастьем, философ разобрался и с любовью. Низшая ступень «лестницы любви» – любовь физическая. Затем идет очарованность не телом, а душой. И, наконец, высшая ступень – влечение к Прекрасному, возвышающее человека а богам. Это духовное слияние двух натур в стремлении к истине называют платонической любовью. Ее восторги заключаются в сознании общего стремления к божественной цели.

Ну, а как быть с нашими низменными «хочу – не хочу»? Никак. Люди для Платона – это всего лишь куклы, которых дергает за ниточки божественная рука. Поэтому дело каждого – отбросить все помехи и думать об общем благе. Тогда и наступит всеобщее процветание. Идея, как видим, старая, но очень живучая. О подобном «земном рае» некоторые мечтают до сих пор. Неужели к такой жизни склонял философ сиракузских тиранов? Вряд ли его интересовало, что думают об этом сами сиракузцы.

Платон, наверное, смог бы неплохо жить в своем утопическом государстве. Держался он скромно, чувства привык обуздывать. Опасался любых привычек. Однажды стал укорять игрока в кости за пагубное пристрастие. «Это же мелочь», – возразил игрок. «Но привычка – не мелочь», – ответил философ. Поэтому никогда не разрешал себе долго спать, зато в работе удержу не знал и сторонился людей, если те мешали. А уж беседовать с первым встречным, подобно Сократу, и вовсе не имел охоты. «Ах, Платон, Платон, ведь только ты и знаешь, что угрюмиться и брови гнуть, улитке наподобие», – обращался к нему один из современников в своей комедии.

Похоже, Платона разочаровали люди, не понимающие, что для них хорошо. В своих незавершенных «Законах» он пытается до мелочей регламентировать жизнь обитателей этой райской страны, которая не мыслится без рабов и жестоких наказаний. Тут уж любая критика запрещена, и вольнодумец Сократ в таком государстве не отделался бы только цикутой. Впрочем, в «Законах» нет Сократа, неперменного участника всех диалогов. Да он и не вписался бы в это общество единомыслия, управляемое беспощадными стариками. Вместо царства справедливости получилось обыкновенное место лишения свободы – правда, показательное, где под административным доглядом не только трудятся, но и поют, и пляшут.

Словом, сплошные неудачи с этими утопиями.

От мнений – к знаниям

В преобразовании материального мира философу, как видим, не повезло. Но он поднялся над материей. Платона интересовала не материя, а те законы, которыми она управляется, – то есть, по его терминологии, мир идей. Самая высшая идея – это благо или абсолютная красота, начало всех начал. Материальный мир – лишь искаженное отражение божественных идей, его то мы и видим. Но первооснову каждой вещи мы можем постичь умственным зрением, воспринимая небесные идеи и следуя им. Поэтому во главе его идеального государства стоят философы, которые этим и занимаются. Им по силам понять даже высшую идею – что такое благо.

Платон утверждал, что чувственное восприятие дает лишь мнения, знания же рождаются с помощью сверхчувственных идей. Если пифагорейцы обнаружили, что число вещи – вовсе не то же самое, что сама вещь, то Платон открыл, что идея вещи – это тоже не вещь, а ее смысл и отражение.

Мир идей, существующий в космосе и отраженный на земле, восхищал Платона. Ведь на основе идей можно изучать материальный мир, наполненный такими многоликими и ускользающими от точных определений вещами. Идея вещи – это обобщение множества ее частных. Вода, к примеру, бывает разной – в луже, кране, море, атмосфере, – но вода вообще – это и есть платоновская «идея воды». А наука может оперировать только обобщенными предметами и понятиями. Нет обобщений – нет и науки, есть хаос и череда случайностей.

Диоген иронизировал над платоновскими идеями: «А я вот, Платон, стол и чашу вижу, а стольности и чашности не вижу». Тот ответил: «И понятно: чтобы видеть стол и чашу, у тебя есть глаза, а чтобы видеть стольность и чашность, у тебя нет разума».

Платоновские идеи оказались настолько важны для понимания мира, что над ними думали многие поколения философов. Со временем менялось и само понятие. Если для Платона идеи были реальны и существовали независимо от сознания – почему его и называют объективным идеалистом, – то потом идею понимали как нечто совершенное, чего не было на практике. В конце концов материалисты увязали идею с экономическими отношениями, а провозглашение идей – по Платону, вечных и неизменных, – свели к идеологической надстройке над действительностью...

В отличие от Сократа, Платон не каждого допускал в свой философский храм, а потому о доступности изложения не заботился, желая уберечь свое учение от невежд. Например, его диалог «О душе» только Аристотель смог дослушать до конца, остальные потихоньку разбрелись. Однако учёный вовсе не стремился к зауми. Наоборот, от принятой манеры изложения философских взглядов в виде поучений он перешел к диалогам, которые часто ведутся за пиршественным столом. Застольный разговор в те времена был главным развлекательным и интеллектуальным блюдом. В форме диалога построен, например, платоновский «Пир», где Сократ и его друзья ведут философскую беседу. А где пир, там и спиртное – разбавленное водой вино, и потому такие беседы назывались «симпосия» – то есть, совместное питье. На современных симпозиумах нередко обходятся без выпивки, но название осталось.

Умер философ, как и родился, в день рождения, свой и Аполлона. Ученики похоронили Платона в его Академии.

Платон ценил всё рациональное и разумное, что, впрочем, не помешало ему стать первым в Европе идеалистом. С помощью своих идей он хотел создать теорию вечных закономерностей природы и общества.

Философ считал, что только деятельная, руководимая идеями жизнь ведет к осуществлению важнейшей идеи – добродетели, что для него означало порядок и гармонию души. Платон неустанно проповедовал свой идеал – всеобщую гармонию, ради торжества которой допускал насилие, убивающее любой идеал. Он верил,

что можно придумать математически точную науку о правильной жизни, объяснить её всем, и тогда наступит земной рай. Его мораль и его утопия построены по прямолинейным и суровым идеалам, имеющим очень мало общего с живой жизнью (которую он, кстати, очень любил и не уставал любоваться красотой неба и моря, цветов и здорового человеческого тела). В своей эстетике на первое место ставил любовь, потому что любящему взгляду всегда открывается в предмете своей любви гораздо больше, чем равнодушному. Только любящий может быть творцом, только ему приходят новые идеи.

– Разве, по-твоему, художник становится хуже, если в качестве образца он рисует, как выглядел бы самый красивый человек, и это достаточно выражено на картине, хотя художник и не в состоянии доказать, что такой человек может существовать на самом деле?

– Клянусь Зевсом по-моему, он не становится от этого хуже.

– Так что же? Разве, скажем так, и мы не дали – на словах – образца совершенного государства?

– Конечно, дали.

– Так не теряет ли, по-твоему, наше изложение хоть что-нибудь из-за того только, что мы не в состоянии доказать возможности устройства такого государства, как было сказано?

– Конечно же нет.

– Вот это верно. Если же, в угоду тебе, надо сделать попытку показать, каким преимущественно способом и при каких условиях это было бы более всего возможно, то для такого доказательства ты одари меня тем же...

– Чем?

– Может ли что-нибудь быть исполнено так, как сказано? Или уже по самой природе дело меньше, чем слово, причастно истине, хотя бы иному это и не казалось? Согласен ты или нет?

– Согласен.

– Так не заставляй же меня доказывать, что и на самом деле всё должно полностью осуществиться так, как мы это разобрали словесно. Если мы окажемся в состоянии изыскать, как построить государство, наиболее близкое к описанному, согласишься, мы можем сказать, что уже выполнили твое требование, то есть показали, как это можно осуществить.

Или ты этим не удовлетворишься? Я лично был бы доволен.

– Да и я тоже.

– После этого мы, очевидно, постараемся найти и показать, что именно плохо в современных государствах: из-за чего они и устроены иначе; между тем в результате совсем небольшого изменения государство могло бы прийти к указанному роду устройства, особенно если такое изменение было бы одно или же их было бы два, а то и несколько, но тогда их должно быть как можно меньше и им надо быть незначительными.

– Конечно.

– Стоит, однако, произойти одной единственной перемене, и, мне кажется, мы будем в состоянии показать, что тогда преобразится всё государство; правда, перемена эта не малая и не легкая, но всё же она возможна.

– В чем же она состоит?

<...>

– Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – а их много, – которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно.
Платон, «Государство»

Аристотель **(384 – 322 до Р.Х.)**

Ломоносова называют первым русским университетом, а Аристотеля – выдающимся энциклопедистом античности. Сравнение с университетом было бы для него слишком слабым, потому что диапазон научных интересов философа трудно себе представить. О чем он только не пишет – о поэтах и приметах, о физике и этике, медицине и биологии... Описывает более четырехсот видов животных, характеризует около двух сотен различных законодательств, причем делает это так, будто только этим и занимался всю жизнь. Он перечисляет спортивные игры Эллады, собирает эпитафии на могилах героев, сочиняет стихи. При этом философ во всем хочет докопаться до сути и потому не делит науку на серьезную и несерьезную. Его интересует, почему белье плохо стирается в морской воде, почему белое вино опьяняет больше красного, почему от стыда краснеют, а от страх бледнеют. Эти «детские вопросы» не смущают Аристотеля, а заставляют размышлять.

Удивляет не только энциклопедический диапазон интересов, но и работоспособность целого научного института. Да только нет таких институтов, чьи труды были бы столь же разнообразны и долговечны.

Невзирая на личности

Врачом, как его отец, он не стал, и в семнадцать лет пришел в платоновскую Академию. Злые языки утверждали, что к тому времени он успел промотать отцовское наследство, побыть воином, потом торговцем лекарствами, после чего и занялся философией.

Отношения с Платоном складывались неровно. Учитель не одобрял поведения строптивого и своенравного ученика, склонного порисоваться. Говорят, Аристотель в молодости был невзрачен – худощав, глазки маленькие, да еще шепелявил, – зато любил хорошо одеться, украсить себя перстнями. Еще в годы ученичества он дерзко напал на Платона и тот говорил: «Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребёнок свою мать». Однажды этот «жеребёнок» вместе со своими приятелями подошел к восьмидесятилетнему старцу и стал задавать дерзкие вопросы, желая поставить учителя в тупик. После этого Платон уже не выходил на прогулку за пределы сада, и теперь там прохаживался Аристотель со своей командой. В конце концов любимый ученик Платона Ксенократ восстановил справедливость и прогнал наглеца оттуда. Впрочем, всё это не мешало им философствовать. Платон вполне допускал разномыслие в своей школе, помня, что истинным философам чужда нетерпимость.

Как ученый, Аристотель не принимал платоновских соображений об идеях. Он считал, что в них нет ничего божественного, и их место не на небесах, а в самой вещи. Аристотель писал: «Учение об идеях было выставлено близкими мне людьми. Но лучше для спасения истины оставить без внимания личности, в особенности же следует держаться этого правила философам; и хотя Платон и истина мне дороги, однако священный долг велит отдать предпочтение истине». Отсюда и пошло крылатое выражение «Платон мне друг, но истина дороже».

В Академии он провел двадцать лет. После смерти учителя Аристотель вместе с друзьями отправился в город Ассос на побережье Малой Азии. Там философы проводили время в беседах с правителем Гермием. Можно сказать, что это был философский кружок с регулярными занятиями. Гермий настолько проникся симпатией к Аристотелю, что отдал ему в жёны свою племянницу.

Между тем, философу уже сорок, он известен, и македонский царь Филипп пригласил его воспитывать наследника престола Александра, который впоследствии станет не просто Александром, а Македонским, и даже Великим.

Аристотель уехал, а судьба Гермия сложилась печально. Персы захватили город и под пыткой допрашивали его о сговоре с Филиппом. Ничего не добились, но всё равно распяли на кресте. Используя последнюю милость победителей, Гермий попросил передать своим друзьям, что не совершил ничего недостойного философии. Это так потрясло Аристотеля, что он написал гимн, который потом и высекли на гробнице правителя. Тот гимн ему потом припомнили, к чему мы еще вернемся.

Союз царя и мудреца

Он верил в то, что Эллада способна управлять миром. Для этого нужно только объединить разрозненные города-республики, пусть и под македонским владычеством. И философ занялся воспитанием тринадцатилетнего царского отпрыска, которому предстояло это осуществить. Сам Филипп тоже интересовался науками, искусствами и не доверял воспитание сына обычным учителям. Потому и пригласил Аристотеля. Причем не только создал философу все условия для воспитания сына, но и предоставил средства для собственных исследований.

Как некогда Платон давал тиранам советы, так и Аристотель делал теперь то же самое. Он полагал, что правильно изложенные начала наук ведут к совершенству. Но если рассуждения Платона о правящих философах и философствующих правителях не оправдались, то его ученик смотрел на вещи реально. Он считал, что царю достаточно слушать советы мудреца. Так, разгневанному Александру он писал: «Раздражение и гнев должны быть обращены не против низших, а против высших. Равных же тебе нет». Или: «Старайся же быть скор на добрые дела и медлителен на гнев: первое царственно и милостиво, второе отвратительно и свойственно варварам». При этом философ дает шанс царственной особе «сохранить лицо»: «Впрочем, делай, что считаешь правильным, не презирая полезных мнений», – замечает он напоследок.

Порой наставлял и отца. Филиппу он писал: «Надо, чтобы у разумных правителей не владениями дивились, а владетелем дивились, и после перемены судьбы они были бы достойны той же похвалы». Слова поистине на все времена.

Поначалу учение шло впрок, и Александр иной раз говорил: «Сегодня я не царствовал, ведь я никому не делал добра». Аристотель даже написал для своего ученика книгу о том, как надо царствовать. «Мир не хочет, чтобы им управляли плохо!» – говорил учитель. В отличие от Платона, он не населяет идеальное государство идеальными людьми. Правитель не может дожидаться осуществления идеалов, а должен в обычных условиях управлять обыкновенными гражданами. И делать это наилучшим образом, в чем, собственно, и состоит его мудрость. Счастливейшим он называл государство, где управляет добродетель. Что касается формы правления, то философ приветствовал и монархию, и аристократию, и республику, но предостерегал против тирании, олигархии и охлократии (власти черни). В демократию он не верил и говорил, что хотя афиняне открыли две полезные вещи – пшеницу и свободу, но пользовались только первой, а второй лишь недолго и то злоупотребляли.

Однако времени на учебу у Александра было немного. В семнадцать лет он уже иногда заменял отца в государственных делах, а через три года, когда Филиппа убил один из его обиженных телохранителей, Александру и вовсе стало не до уроков. Аристотель вернулся в Афины.

Как же отразилось философское образование на делах Александра Великого?

Царь пытался осуществлять идеи Аристотеля. На покоренных территориях он основал семьдесят городов, которые жили по греческим законам, уничтожившим дикость и произвол. Кое в чем пошел даже дальше учителя. Дело в том, что Аристотель никогда не был интернационалистом и потому всех негреков считал существами, лишенными разума, – вроде животных, а то и растений. Александр же стремился объединить всех – и греков, и варваров – в единое человеческое сообщество, где соединятся разные события и языки.

Но слава опьяняла, и Александр всё реже прислушивался к афинскому наставнику. Постоянные войны и победы делали своё дело. Высокомерный, мстительный, жестокий – таким запомнили Александра современники. Когда его друг Клит стал возражать против деспотических обычаев при дворе, Александр в гневе вонзил в него копьё, забыв о философии. А после того, как услышал от жреца, что египетский бог Амон считает его своим сыном, то потребовал для себя божественных почестей. Похоже, учитель не ошибался, когда думал о воспитаннике

как о ленивом и своевольном юноше, который никогда не мог ничего понять в философии. Во всяком случае, философия не помешала ему пьянствовать, особенно в последние годы, и проводить досуг в гаданиях. И умер он после нескольких пьяных ночей, слабея день ото дня.

Некоторые историки обвиняют Аристотеля в том, что он отравил Александра, разочаровавшись в ученике. Было ли такое на самом деле? Ведь философ действительно недурно разбирался в ядах. Теперь уж вряд ли кто узнает истину; заметим только, что когда прилежный воспитанник превратился в деспота, то отношение к нему учителя резко изменилось. Он видел изнутри придворные интриги и мог в полной мере оценить местные нравы. А нравы в четвертом веке до Рождества Христова были суровые, как бы там ни рассуждали философы. Иллюзии исчезли вместе с военными походами. Греческие города Александр не щадил, как и все прочие, давая волю страстям и необузданности. Его окружение роптало, начались заговоры. Среди жертв одного из них оказался и племянник Аристотеля Каллисфен, которого философ послал в поход в качестве придворного летописца. Он поплатился за то, что не вписывался в хор придворных льстецов. Как сообщает античный историк, его долго возили в железной клетке в назидание народу, после чего бросили на растерзание льву. Так что слухи об отравлении не так уж и фантастичны. Ведь Аристотель был человеком не только слова, но и дела.

Недолговечны союзы царей с мудрецами.

О вкусе научных плодов

В Афинах, возле храма Аполлона Ликейского, Аристотель провел немало дней со своими учениками. Здесь, в Лике, – так называлось место для верховой езды – находился гимнасий, где и преподавал философ. При гимнасии имелся сад для прогулок – перипат, – и учеников Аристотеля, которые учились во время прогулок с наставником, стали называть перипатетиками.

В отличие от платоновской Академии, Ликей был более практичен. Здесь окончательно сложилась философия Аристотеля, гимн разуму и разумной жизни. Здесь он размышлял о том, как сделать жизнь достойной человека, существа разумного и свободного. Если до Сократа философы объясняли природу, то Сократ изучал человека. Платон ушел от практики в теорию, а Аристотель хотел использовать плоды раздумий в жизни. Высшее благо для него – это счастье, которое заключается в деятельности. Но деятельны и растения, и животные, поэтому речь тут о разумной деятельности. Сократ приравнивал добродетель к мудрости, которую можно выучить. Аристотель считает, что добродетель мало понять, она требует навыков и упражнений, требует воли. Если воля направлена ко злу, то никакое просвещение не поможет, потому что добродетель состоит в сдерживании страстей с помощью разума. Добродетель – это основанный на умеренности навык к общежитию, умение соблюдать золотую середину, и потому основное правило Аристотеля – ничего сверх меры.

Согласно философу, из всех добродетельных занятий самое приятное – созерцание истины, поэтому только мудрецы способны вполне наслаждаться жизнью. Об учении Аристотель говорит знакомые нам слова: «Корни его горьки, а плоды сладки». И стремиться надо к высшему благу, потому что как конь рожден для бега, а бык для пахоты, так и человек рожден для умопостижения и действия.

Аристотель впервые задумывается о посмертном существовании сознания. Он утверждал, что в человеке бессмертен только разум, который после смерти сливается с вселенским разумом, главным божеством, управляющим Космосом. Нормальное состояние души – жизнь вне тела, а жизнь тела – это смерть души. Поэтому жизнь философа должна быть постоянным приготовлением к смерти и освобождению. Здесь, однако, чувствуется влияние Платона, который говорил, что людское знание – лишь воспоминание о прежней жизни.

Что это? Дань невежеству? Нет, научный вывод: ведь если существуют разные проявления души, то должна существовать и сама душа. Отсюда у Аристотеля следует, что в таком случае она не должна содержать в себе никаких признаков и свойств и потому остается неизменной. Значит, она вечна и бессмертна.

Он считал знание прекрасным, а истинную красоту находил в философии, которой советовал отдаваться терпеливо и целиком. Аристотель видел два источника внутреннего знания божественного – некую демоническую силу в душе и созерцание небесных звезд. В свое время к тому же придет и Кант, с той лишь разницей, что демоническую силу у него заменит внутренний закон. И в этом, выходит, не ошибся ликейский мыслитель: «Не однажды и не дважды, но бесконечно возвращаются к нам одни и те же мнения»...

На вопрос, какая разница между человеком образованным и необразованным, философ однажды ответил: «Как между живым и мертвым». И всё же никакие знания неспособны сделать человека совершенным. Такое под силу не образованию, а переживанию, «определенной расположенности души». Тут речь не столько о разуме, сколько о чувствах, которые нуждаются в воспитании. Перспективы на этот счет у каждого свои, потому что, как считал Аристотель, люди от природы неравны. Тот, кто не в состоянии отвечать за свои поступки, не способен управлять собой, воспитать в себе, к примеру, умеренность, справедливость, самоограничение, – тот раб и может лишь выполнять чужую волю. Впрочем, практических добродетелей, которые доставляют человеку истинное наслаждение и счастье, достичь нелегко, потому что

они подчинены не только рассудку. В таком случае, лучше во всем держаться золотой середины, избегая крайностей. Но поистине достоин похвалы тот, кто станет господином самому себе. Воспитание философ называл в счастье украшением, а в несчастье прибежищем. И ещё – лучшим припасом к старости.

Учителей, которым дети обязаны воспитанием, он ставил выше родителей: одна дарят нам только жизнь, а другие – добрую жизнь.

Эх, афиняне...

Он любил жизнь, но любовь эта не всегда была взаимной. После смерти Александра философ уехал на остров Эвбею. Вернее, ему пришлось бежать из Афин, потому что там решили повторить сценарий с Сократом и завели на Аристотеля дело, обвинив в святотатстве. За тот самый гимн, который он сочинил в честь Гермия:

Ну и что ж здесь такого? Оказывается, по мнению обвинителей, гимн был составлен в стиле, которым принято обращаться лишь к богам... На самом деле противники философа искали предлог разделаться с другом македонских владык. Как мы знаем, афиняне не были щепетильны в вопросах права, и найти подходящую статью было нетрудно. Хоть гимн написан за двадцать лет до суда, дело обещало быть нешуточным. Но Аристотель – не Платон, он учился на чужом опыте и не стал испытывать судьбу. Поэтому старик покинул Афины, не желая, чтобы сограждане вторично совершили преступление перед философией.

Он был убежден, что злу всегда противостоит прекрасное и разумное высшее благо. Это умение видеть сквозь нагромождение случайностей, жестокостей и бессмыслицы, борьбы и разочарований некий высший смысл помогла философу достойно пройти все житейские испытания. Однако жизнь зашла в тупик. С македонцами он рассорился, соотечественники грозят судом... Что же остается – философствование? Но философия Аристотеля – это философия действия. И он принимает яд, в отличие от Сократа – добровольно.

Кто мог знать, что таким печальным смыслом наполнится его ответ на вопрос, какую он получил пользу от философии: «Стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом»...

Аристотель соединил платоновский мир идей, оторванный от вещей, с самими вещами. Он старался всё привести в систему, во всем найти смысл, в том числе и в человеческой жизни. Жизнь – это трагедия, где есть и зло, и неудачи, и смерть, но все эти несовершенства лишь выявляют их высшую основу. По мнению философа, идея жизни оправдывает несовершенство самой жизни. Совершая красивые поступки, мы приоткрываем тот идеал, ради которого не жаль и умереть.

Аристотель не убеждает человека в его греховности, не собирается переделывать его, не ставит недостижимых задач, зато учит жить по-человечески, то есть достойно. Главная сила для философа – любовь к совершенству. Он видит корень добродетели не в рассудке, а в естественных склонностях, которые направляются общему благу. Добродетель для него – в сдерживании страстей, избегании крайностей. Мудрец призывает человека разобраться в себе и разумно управлять собой. Он завещает любить самого себя и не отказывать в том, что на благо душе и телу.

Сей человек, вопреки священным уставам бессмертных, был
беззаконно убит лучников-персов царем.

Не от копья он погиб, побежденный в открытом сраженье,
а от того, кто пограл верность коварством своим.

Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего пожелают, и из желаний плотских они всего более склонны следовать желанию любовных наслаждений и не воздержаны относительно его. По отношению к страстям они переменчивы и легко пресыщаются ими, они сильно желают и скоро перестают; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу.

Они слабее гнева, ибо по своему честолюбию не переносят пренебрежения и негодуют, когда считают себя обиженными. Они любят почет, но еще более любят победу, потому что юность жаждет превосходства, а победа есть некоторого рода превосходство. Обоими этими качествами они обладают в большей степени, чем корыстолюбием: они совсем не корыстолюбивы, потому что еще не испытали нужды... Они не злы, а добродушны, потому что ещё не видели многих низостей. Они легковверны, потому что ещё не во многом были обмануты. Они исполнены надежд, потому что юноши так разгорячены природой, как люди, упившиеся вином; вместе с тем, потому что ещё не во многом потерпели неудачу. Они преимущественно живут надеждой, потому что надежда касается будущего, а воспоминание – прошедшего; у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: в первый день не о чем помнить, надеяться же можно на всё. Их легко обмануть вследствие сказанного: они легко поддаются надежде. Они чрезвычайно смелы, потому что пылки и исполнены надежд; первое из этих качеств заставляет их не бояться, а второе быть уверенными. Никто, будучи под влиянием гнева, не испытывает страха, а надеяться на что-нибудь хорошее значит быть смелым. Молодые люди стыдливы; они воспитаны исключительно в духе закона и не имеют понятия о других благах. Они великодушны, потому что жизнь еще не унизила их и они не испытали нужды; считать себя достойными великих благ означает великодушие, и это свойственно человеку, исполненному надежд. В своих занятиях они предпочитают прекрасное полезному, потому что живут более сердцем, чем расчетом; расчет касается полезного, а добродетель прекрасного. Юноши более, чем люди в других возрастах, любят друзей, семью, товарищей, потому что находят удовольствие в совместной жизни и ни о чём не судят с точки зрения пользы. Они во всем грешат крайностью и излишеством; они всё делают через меру, чересчур любят и чересчур ненавидят и во всём остальном также. Они считают себя всеведущими и утверждают это, вот причина, почему они всё делают через меру. И несправедливости они совершают по своему высокомерию, а не по злобе. Они легко доступны состраданию, потому что считают всех честными и слишком хорошими: они меряют своих ближних своей собственной неиспорченностью, полагая, что те терпят незаслуженно. Они любят посмеяться и сказать острое словцо, так как остроумие есть отшлифованное высокомерие.

Аристотель, «Риторика»

Диоген Синопский (412 – 323 до Р.Х.)

Платон, мягко говоря, недолюбливал своего коллегу. И было за что. Когда он определил человека как «животное о двух ногах, лишённое перьев», то Диоген, этот мошенник из Синопа, тут же принес ощипанного петуха и заявил, что это и есть платоновский человек. После чего формулировку пришлось уточнить, добавив: «и с широкими ногтями», отчего ее афористичность заметно потускнела. Но собакой Платон назвал его не за это, а за то, что Диоген, проповедуя аскетизм, довел его до крайних, довольно неэстетичных пределов. Отказался от кружки, потому что можно пить из ладони. Выбросил миску, когда обнаружил, что похлебка не выливается из хлебной корки. Пробовал есть сырое мясо, но говорят, что желудок этому воспротивился. Ночевал в глиняной бочке, из тех, в которых хоронили покойников. Ну чем не собачья жизнь? А «собачий» по-гречески – киник. В Риме это слово звучало как циник, отсюда оно и пришло в Россию. В дореволюционном Словаре Гранат так и написано: Диоген Циник. Диоген на прозвище не обижался и даже поддакивал: да, я виляю хвостом тому, кто бросит кусок, кто не бросит – облаиваю, а злых – кусаю.

Он не был, конечно, праведником, а за старые грехи даже заслуживал тюрьмы, но всё равно циником, в нынешнем значении слова, не был...

Переоценка ценностей

Однажды в молодости он сильно ошибся. Отец его был жуликоватым менялой и научил сына наживаться на уменьшении веса монет. Диоген решил посоветоваться по этому поводу с дельфийским оракулом, и тот порекомендовал «сделать переоценку ценностей». Но по-гречески одно и то же слово означает и «монету» и «общественное установление». Сын менялы решил, что речь о деньгах, и работа закипела. Вскоре папаша сел в тюрьму, где и кончил свои дни, а сын едва унес ноги из родного Синопа.

Так он оказался в Афинах, где решил поучиться мудрости у Антисфена, одного из сократовских учеников. Антисфен вел свои беседы в гимнасии Киносарг, то есть «зоркий пёс», себя же именовал «истинным псом». Ну, а учеников звали просто киниками. Так что у Диогена был двойной повод именоваться именно так.

Философ учил добродетели, которую понимал как возврат к природе. Он полагал, что жить надо как можно проще, чтобы меньше зависеть от других. Тот, кто сумеет побороть тягу к роскоши и наслаждению, тот будет спокоен и радостен, а именно в этом и состоит мудрость. Если довольствоваться немногим, то можно жить, никого не боясь и ничего не стыдясь. Когда же на душе тяжесть, то никакое богатство не принесет тяжести.

Здесь Диоген и набирался разума.

Киники тоже не были циничны и горячо стремились к добродетели. Они видели её в справедливости, приносящей душевный покой, а в нём-то, по их представлениям, и состоит счастье. Их учение держалось на трех китах: аскетизме, бедности и независимости. Аскетизм состоял в укреплении души и тела, ограничении элементарных потребностей и вел к наиболее здоровому образу жизни – первобытному. Босой, бездомный, в грубом плаще, надетом на голое тело, – так выглядел киник. Он напоминал современного хиппи, предпочитающего благам цивилизации свободу.

По мнению киников, в свое время боги дали людям всё необходимое для жизни, но те из-за своих неумеренных потребностей сделали себя вечно озабоченными и несчастными. И совершенно напрасно Прометей подарил людям огонь, положив начало изнеженности и испорченности. Между тем, внешние блага непрочны, они дары судьбы, и только добродетель и довольство, достигнутые смирением, имеют цену для мудреца.

В духе этих идей Диоген и решил пересмотреть привычные ценности. Человек, полагал он, больше всего страдает оттого, что не получает желаемого. Значит, чтобы быть счастливым, нужно меньше хотеть. Поэтому Диоген отказался от постоянного жилья и ночевал, где придется. Обувь носить перестал: мол, ноги не должны быть нежнее лица, которое мы не закрываем. Свои деньги раздал нищим. Но такая жизнь не понравилась даже его рабу и тот убежал. Хозяин воспринял это философски: «Смешно, если Манет может жить без Диогена, а Диоген не сможет жить без Манета». И продолжал доказывать, что бедность лучше богатства.

Наслаждения киники презирали, хотя и делали это с наслаждением, теша своё тщеславие. В театр Диоген шёл тогда, когда оттуда все выходили, поясняя, что именно так он старается поступать всю жизнь. Однажды философ демонстративно стоял голым под дождем, и прохожие жалели его. Платон посоветовал: «Если хотите пожалеть, отойдите в сторону»...

Философ предпочитал сверять высокоумные мудрствования с грубой практикой. В ответ на утверждение, что движения не существует, он просто встал и начал ходить; рассуждавшего о небесных явлениях, спросил, давно ли тот спустился с небес. Да и вообще к современникам относился прохладно. Он презирал не только образованных людей, но и простых, потому что ни те, ни другие не дотягивали до высоких философских стандартов: простонародье соревнуется, сталкивая друг друга в канаву, но никому не приходит в голову соревноваться в доброты; музыканты настраивают струны, но неспособны отрегулировать свой нрав; звездочеты

следят за небесами, но не видят, что у них под ногами. Поэтому настоящий киник выкладывал согражданам всё, что о них думал. Вернувшись с Олимпийских игр, на вопрос, много ли там было людей, ответил: «Народу много, а людей немного». Однажды на площади начал кричать: «Эй, люди!» Сбежалась толпа, а философ, если верить историку, напустился на зевак с палкой, пояснив, что звал людей, а не мерзавцев. Похоже, никто не соответствовал его киническим требованиям. Но тогда какого же человека искал он, разгуливая по городу среди бела дня с фонарем?

Он искал того, кто, подобно ему, презирал бы богатство, славу, удовольствия и жизнь, предпочитая им бедность, безвестность, труд и смерть.

Однако, где бедность – там и невежество, и бескультурие. Что ж, для киников это тоже благо, поскольку знания не делают людей лучше. Научившись писать, читать и даже играть в шашки, люди так и не научились главному – отличать правду от лжи.

Проповеди в обмен на подавание

Диогена называли тунеядцем, но тот полагал, что обличение людских заблуждений вполне оправдывает его хлеб. Философ предпочитал не проповеди, а наглядные дела, которые, заметим, далеко не всегда вызывали одобрение. Однажды он поинтересовался, что говорят о нем земляки. «Говорят, что ты притворяешься дураком», – услышал в ответ. «Скажи им, когда увидишь, что они притворяются умными», – попросил Диоген собеседника.

Если Антисфен, по словам современников, привораживал своими речами, то речи Диогена мало кому нравились. Не церемонился он и с царями. Говорят, молодой Александр специально пришел к философу и сказал: «Проси у меня чего хочешь». Тут-то Диоген и произнес исторические слова: «Не заслоняй мне солнца». Тогда владыка предложил ему хотя бы свою дружбу, но услышал, что царь не может быть другом и не может иметь друзей. После чего исторические слова произнес уже Александр: «Если бы я не был Александром, то хотел бы быть Диогеном».

Диоген и вправду не завидовал роскошной жизни придворных чиновников: «Вот уж несчастен тот, кто завтракает и обедает, когда это угодно Александру!» А когда же ел он сам и на какие, кстати, доходы?

Попрошайничал, и потому ел, когда было что. Подавали не очень охотно, и на вопрос, почему нищим подают, а философам нет, Диоген однажды ответил: «Люди знают, что может быть станут хромыми и слепыми, а вот мудрыми – никогда».

Он был готов к отказам. Аскет должен иметь закаленную душу, и Диоген укреплял её тем, что просил подавание у статуи. Попрошайничать старался с достоинством. Когда при нем похвалили человека, подавшего милостыню, философ поинтересовался: «А меня вы не похвалите за то, что я её заслужил?» Он уважал нищих и уговаривал их полюбить нищенство: ведь бедность помощница мудрости. Она прокладывает путь к философии: то, в чём мудрецы пытаются убедить, бедность вынуждает осуществлять.

Так же независимо держались и его последователи: «Ты даёшь щедро, а я принимаю мужественно, не пресмыкаясь, не роняя достоинства и не ворча», – объяснял богачу свою точку зрения на благотворительность один из них. То есть киники отказывались не от благ, а лишь от каких-то встречных обязательств, хотя бы обыкновенной благодарности.

Ещё при жизни о Диогене ходило множество анекдотов. Не все они достоверны, зато любопытны. Например, однажды по дороге на остров Эгину он попал в руки пиратов и очутился на Крите, где его вывели на продажу. На вопрос, что он умеет делать, ответил: «Властвовать людьми». И попросил глашатая объявить, не хочет ли кто купить себе хозяина. Его купил коринфянин Ксениад. Невольник тут же заявил хозяину: «Смотри, делай теперь то, что я прикажу». Тот только и смог воскликнуть: «Вспять потекли реки!» На это Диоген возразил: «Если бы ты был болен и купил себе врача, ты ведь слушался бы его, а не говорил бы, что вспять потекли реки?»

Ксениад сделал его наставником своих детей. Афинские друзья хотели выкупить философа, но тот ответил, что его учитель Антисфен уже освободил его из вечного рабства, и потому деньги лучше раздать нищим.

Философ любил повторять, что для достойной жизни надо запастись или разумом, или веревкой на шею. Судьбе он противопоставлял отвагу, закону – природу, а страстям – разум.

Философия свободы

От раздумий, как построить хорошее государство, философы перешли к вопросу, можно ли хорошо прожить в существующем. Киники решили, что сделать это можно, надо только стать независимым от враждебного внешнего мира. (Напомним, что по Греции в те времена разгуливали воины Александра). А как жить в обществе и быть от него свободным? Очень просто: ни в чём не нуждаться.

Вся философия киников служит свободе, их высшему божеству. Платон, увидев, как Диоген моет себе овощи, заметил: «Если бы ты служил Дионисию, не пришлось бы тебе мыть овощи», но тот ответил вполне в духе своей философии: «А если бы ты умел мыть себе овощи, не пришлось бы тебе служить Дионисию». Будьте безразличны к благам – и вы освободитесь от страха их потерять.

Киники ненавидели тиранию, но не жаловали и демократию: ведь голосованием можно из невежественного человека сделать важного чиновника. Богов не отрицали, но ни с какими просьбами к ним не обращались, чтобы не терять независимости. Они презирали весь мир, предпочитая рабству цивилизации свободу бродячих собак. И если нельзя переделать мир, то вполне можно изменить отношение к нему. Разве не то же рекомендуют против житейских стрессов нынешние психологи?

Такая философия была привлекательна для утомлённых, разочарованных, а то и просто ленивых, и учение киников стало модным. Может, это обыкновенные неудачники, а вся их философия – лишь попытка оправдать свою неспособность устроить жизнь? Но сколько сил и труда они тратили на то, чтобы жить в соответствии со своими принципами. . . Если бы тот же Диоген употребил свою энергию на стяжание богатства, то, право же, мог бы стать не меньшим мошенником, чем его отец. Во всяком случае, молвой он по-прежнему пренебрегал и подводил такую философскую базу: «Когда задумаешь какое-нибудь дело, то рассудить надо, разумно оно или нет, и не обличит ли совесть тебя за такой поступок. А о том, что другие люди скажут, думать не надо, потому что людская молва переменчива, и если к ней примеряться, никому не угодишь». Правда, здесь упоминается совесть, и это слова уже не фальшивомонетчика, а философа. Поэтому когда Диогена попрекали уголовным прошлым, он возражал: «То было время, когда я был таким, каков ты сейчас; зато таким, каков я сейчас, тебе никогда не стать».

Он мог быть счастливым при любой власти, потому что жил по своим законам и ни от кого не зависел. Даже от семьи, которую, кстати, отрицал, мотивируя это довольно своеобразно: мол, жениться молодым еще рано, а старым уже поздно. Любовь же считал делом бездельников, и о влюбленных говорил, что они мыкают горе себе на радость

Он стремился к простоте и проповедовал её. Но простота, как известно, бывает разная, в том числе и та, что хуже воровства. Многие его ученики переняли от философа лишь грубость и неряшливость. Со временем слово «цинизм» приобрело современное значение: наглое, бесстыдное поведение, пренебрежение нормами морали. Но киников не помнили бы до сих пор, если бы это были только грязные и нечѣсанные чудики. Они оставили немало трезвых мыслей. Например, утверждали, что труд – благо; что государства погибают тогда, когда перестают отличать хороших людей от плохих; что лучше сражаться вместе с немногими достойными против множества дурных, чем действовать наоборот.

Гражданин мира

И всё же, несмотря на известные достоинства, граждане из киников были никудышные. Отчасти это можно объяснить тем, что они не были местными уроженцами: их ряды пополняли пришельцы, странники, а то и изгнанники. Ясно, что среди такой публики искать патриотов трудновато. Что касается Диогена, то он единственным истинным государством считал весь мир, а себя числил гражданином мира – космополитом. Гражданство, полагал он, определяется не рождением, потому что все рождаются свободными, независимыми и равными, имея лишь одну обязанность – сочувствие к себе подобным. Членом общества человек делается лишь тогда, когда требует от него каких-то выгод или становится под его защиту. Но если следовать неким конкретным нормам, рассуждал философ, то часто выясняется: то, что в одном обществе считается добродетелью, в другом – зло, и если в одном государстве человеку могут поставить памятник, то в другом его же могут проклясть. Только гражданин мира способен одинаково справедливо относиться ко всем, а ради этого стоит отказаться от любых общественных благ. Поэтому Диоген не испытывал к родине никаких симпатий и не видел в этом смысле разницы между Синопом и Коринфом. Надо же ему было где-то родиться? А то, что этим местом оказался Синоп, – чистая случайность. И когда кто-то пожаловался, что умрет на чужбине, Диоген заметил: «Не печалься, глупец, дорога в Аид отовсюду одна и та же».

Ну, а как же долг перед родиной, которая воспитала, дала образование и всё такое прочее? Никаких долгов, возражал Диоген. Воспитал его Антисфен, который и сам жил в Афинах впроголодь, а главным учителем стал собственный опыт.

Ученики усваивали и развивали диогеновские идеи. Когда одного из них спросили, хочет ли он освобождения отечества от македонцев, тот ответил: «Зачем? Чтобы его захватил кто-то другой? Моя бедность и презрение к славе – вот мое единственное отечество и богатство, которое никто не отнимет».

Сократ хоть и не одобрял кинических замашек Антисфена, но после смерти имя патриарха, как водится, обросло легендами, и он стал для киников большим авторитетом, вторым после самого Геракла. Киники умудрились довести до крайности сократовскую неприхотливость и его стремление испытать здравым смыслом привычные вещи. Недаром Платон называл Диогена безумствующим Сократом. Но Сократ хоть и слыл оригиналом, общепринятых норм не отрицал, бедностью не кичился и был добросовестным гражданином. Он не раз участвовал в военных походах, где проявил себя отважным воином. И уж, конечно, не стал бы никого оскорблять, что для Диогена было обычным делом. Однажды этот киник пришел в роскошное жилище богача, где, естественно, не полагалось плевать на пол. Тогда философ, откашлявшись, сплюнул в бороду своему спутнику, заявив, что не нашел места хуже... Видно, авторитет его был высок и подобные выходки сходили с рук, иначе не дожил бы он до глубокой старости. Афиняне даже любили его, и когда однажды мальчишка разбил бочку философа, то негодника высекли. В конце концов, и на Руси любили блаженных подвижников благочестия. То же и киники: заботясь о собственном счастье, они стремились к добродетели, пусть и понимали её по-своему.

В философии Диоген видел поддержку на крутых поворотах судьбы. Человеку, сказавшему, что ему нет дела до этой науки, он возразил: «Зачем же ты живёшь, если не заботишься, чтобы хорошо жить?»

Своей судьбой философ был доволен и хотел только, чтобы ему не мешали жить по-своему, как и он не мешает жить остальным. Смерти не боялся. Как можно бояться того, чего никто из живых не испытал и, значит, нельзя судить, хорошо это или плохо.

Дожил почти до девяноста лет. Его пышно похоронили в Коринфе и поставили памятник: высокий столб, а на нём каменная собака. Сograждане увековечили его в медных изображениях, написав такие слова:

Путь, который указал Диоген, действительно, нетруден, особенно для любителей «жить проще». Если мир плох, то надо быть независимым от него. Цену имеют не дары судьбы, случайные и непрочные, а результат наших собственных усилий – довольство, достигнутое путём смирения. Диоген был противником излишеств и свел потребности к минимуму. Идеалом ему виделась полная апатия – безразличие к миру и его ценностям. Ясно при таких взглядах конфликтов с общепринятой моралью избежать не удалось.

Для широкого употребления это учение явно не годится, потому что даже живя в бочке и питаясь подаванием, не обойтись без людей, которые сделают эту бочку и подадут кинику на хлеб. И всё же диогеновские идеи живут: ведь и не очень сытое общество может позволить себе содержать некоторое количество оригиналов. К тому же, последовательных учеников Диогена никогда не было слишком много. Гораздо чаще встречаются желающие сполна удовлетворять свои растущие потребности, давая взамен как можно меньше. Но Диоген тут уже ни при чем.

Пусть состарится медь под властью времени – всё же
Переживет века слава твоя, Диоген:
Ты нас учил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,
Ты указал нам путь, легче которого нет.

Ко всем он относился с язвительным презрением. Он говорил, что у Евклида не ученики, а желчевики; что Платон отличается не красноречием, а пусторечием; что состязания на празднике Дионисий – это чудеса для дураков, и что демагоги – это прислужники черни. Ещё он говорил, что когда видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек – самое разумное из живых существ, но когда встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, то ему кажется, будто ничего не может быть глупее человека. Он постоянно говорил: «Для того, чтобы жить как следует, надо иметь или разум, или петлю».

Однажды, заметив, что Платон на роскошном пиру ест оливки, он спросил: «Как же так, мудрец, ради таких вот пиров ты ездил в Сицилию, а тут не берёшь даже того, что стоит перед тобою?» – «Клянусь богами, Диоген, – ответил тот, – я и в Сицилии всё больше ел оливки и прочую подобную снедь». А Диоген: «Зачем же тебе понадобилось ехать в Сиракузы? Или в Аттике тогда был неурожай на оливки?» В другой раз он повстречал Платона, когда ел сушеные фиги, и сказал ему: «Прими и ты участие!» Тот взял и съел, а Диоген: «Я сказал: прими участие, но не говорил: поешь». Однажды, когда Платон позвал к себе друзей, приехавших на Дионисия, Диоген стал топтать его ковер со словами: «Помираю Платонову суетность!» – на что Платон заметил: «Какую же ты обнаруживаешь спесь, Диоген, притворяясь таким смиренным!» Другие передают, будто Диоген сказал: «Помираю Платонову спесь», – а Платон ответил: «Помираешь собственной спесью». Диогену случалось просить у него то вина, то сушеных фиг; однажды Платон послал ему целый бочонок, а он на это: «Когда тебя спрашивают, сколько будет два и два,

разве ты отвечаешь: двадцать? Этак ты и даешь не то, что просят, и отвечаешь не о том, о чём спрашивают». Так он посмеялся над многоречивостью Платона.

На вопрос, где он видел в Греции хороших людей, Диоген ответил: «Хороших людей – нигде, хороших детей – в Лакедемоне». Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда он принялся верещать по-птичьему; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевелиются.

...Он говорил, что для людей с добрым именем он пёс, но никто из этих людей почему-то не решается выйти с ним на охоту. Человеку, сказавшему: «На Пифийских играх я победил многих мужей», он ответил: «Нет, многих рабов, а мужей побеждать – это мое дело».

Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»

Эпикур (341 – 270 до Р.Х.)

Самой практичной наукой для него была философия, призванная путем рассуждений привести к счастливой жизни. Те науки, которым это не под силу, не нужны. На особом положении лишь логика и физика: первая позволяет отличить истину от заблуждений, а вторая избавляет от суеверных страхов и даёт верное понимание природы вещей. Его взгляды вполне современны и для нашего века: мир он считал материальным и познаваемым, в бессмертную душу и всякие сверхъестественные чудеса не верил. Потомки ему этого не простили. Через полторы тысячи лет флорентиец Данте написал «Божественную комедию», где не забыл и эпикурейцев, которых было немало в его родном городе. Их он поместил в огненные могилы ада:

Но зачем Эпикуру понадобились эти проблемы на стыке науки и мистики, которые и по сей день не решены? В конце концов, эпикурейцы вошли в историю как люди, предпочитающие комфорт и плотские удовольствия, а вовсе не пропагандисты материалистических идей. «Я призываю к непрерывным удовольствиям, а не пустым и тщетным добродетелям, лишенным твердой надежды на плоды», – говорил их первоучитель. И даже: «Я плюю на прекрасное и на тех, кто суетно им восхищается, если оно не доставляет никакого удовольствия».

Здесь кладбище для веривших когда-то,
Как Эпикур, и все, кто вместе с ним,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.